

Детство, опалённое войной...

7.0.27556

*Дети войны —
Изможденные лица,
Исхудавшие руки
И пронзительный взгляд.
Они с кадров войны
К нам шагнули
В другое столетие,
Они рядом живут,
Но соседству от нас.*

Гуреева Антонина с родителями

Семья Жерноклетовых.
Курская обл., с. Лухтоново.
Лето 1943 г.

Таня и Алик Сухопаровы.
Костромская обл. 1941 г.

Тамара и Станислав Семеновы.
Саратовская обл., г. Балаково.
1945 г.

Нер.-Заводская школа Читинской области.
2ой класс. 1941 г.

Рудник Хапчеранга Читинской области.
Ученики 1ого класса. 1942 г.

Детство, опалённое войной...

*Книга документальных свидетельств детей
Великой Отечественной войны*

Книга III

Чита 2023

К 92(092)+63.3(2)622-284.1+63.3(2Рос-43ад)622-284.1

УДК 94(470)''1941/1945''-0532

ББК 63.3(2)622-284.1

Д 38

Д 38

**Забайкальское краевое региональное отделение
Общероссийской общественной организации «Дети войны»**

**Читинское городское отделение
Общероссийской общественной организации «Дети войны»**

Д 38 **Детство, опалённое войной. Книга III.** – Чита : Читинская городская типография, 2023. – 390 с.

ISBN 978-5-906307-87-3

Книга воспоминаний, документальных свидетельств детей
Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Редакционная коллегия:

**Арзамачева Людмила Ивановна
Гвоздева Людмила Ивановна
Коваленко Наталья Владимировна
Лежанкина Татьяна Ивановна
Сухопарова Галина Геннадьевна
Щапова Ирина Борисовна**

Главный редактор – **Щапова Ирина Борисовна**

Научный консультант книги – Почетный гражданин Читинской области, Почетный гражданин города Читы, Почетный член Академии военных наук **Соловьев Алексей Владимирович.**

Забайкальское краевое региональное отделение Общероссийской общественной организации «Дети войны» и Читинское городское отделение Общероссийской общественной организации «Дети войны», а также редакционная коллегия книги «Детство, опаленное войной» выражают искреннюю признательность и благодарность за финансовую поддержку издания книги **Мархаеву Вячеславу Михайловичу**, депутату Государственной Думы ФС РФ, первому секретарю Бурятского республиканского комитета КПРФ.

ISBN 978-5-906307-87-3

УДК 94(470)''1941/1945''-0532

ББК 63.3(2)622-284.1

© Читинское городское отделение Общероссийской общественной организации «Дети войны», 2023 г.

© ООО «Читинская городская типография», 2023 г.

Слово к читателям

Дорогие читатели! Уважаемые забайкальцы!

В Ваших руках третий том книги-воспоминаний наших земляков, тех, кто в годы Великой Отечественной войны был ребенком или подростком. Сейчас они все находятся на заслуженном отдыхе, являются ветеранами труда, ветеранами воинской службы или ветеранами боевых действий. Многие из них перешагнули 80-летний жизненный рубеж. Многие имеют государственные награды и почетные звания. Они детьми пережили самую страшную войну XX столетия. И не только пережили... Вместе со всей страной они вынесли все страдания и трагедии, которые несет с собой война.

Авторы книги вспоминают, как они в годы Великой Отечественной войны жили, трудились, ждали с фронтов отцов, как рано уходили из жизни их матери, надорвавшись на работе, как входило в большую жизнь их поколение, как восстанавливали они разрушенную страну. Вспоминают, как до последних дней жизни снились матерям их молодые мужья, погибшие в боях за Родину, и как долгие годы им самим снились отцы, которых они не помнили, потому что были слишком малы, когда матери получали похоронки.

Книга воспоминаний – это непередаваемая суровая атмосфера времени, когда вся страна сражалась с самым кровавым врагом XX века – фашизмом. Война стала сложным, трагическим испытанием в жизни нашей страны, в жизни наших дедушек и бабушек. Она сплотила советский народ, показала силу его духа и способность сплоченными рядами противостоять врагу.

События Великой Отечественной войны не ушли в небытие, да они и не могут уйти, потому что они сохранились в памяти всех, кто пережил её. Эту память подхватили их дети, внуки и правнуки. В книге есть раздел, в котором современные школьники записали воспоминания своих теперь уже прабабушек и прадедушек о военном детстве. Школьники ведут поисковую работу о детях, переживших войну. Это не только их родственники, но и учителя тех школ, в которых они учатся.

Дети войны – последние живые свидетели той битвы с фашизмом, той Великой войны. Вот почему так важны сегодня эти воспоминания-напоминания о том, что такое фашизм и что он несет народам. Со страниц книги встает живая правда о войне, фашизме и Победе советского народа, рассказанная детьми войны.

Книга «Детство, опаленное войной» – неотъемлемая, важная историческая страница военной летописи.

Книга несет большой воспитательный потенциал. Она учит на конкретных жизненных примерах конкретных людей, живущих рядом с нами, как надо любить Родину, какую пользу в лихую годину могут принести дети и подростки, как именно в войну рано взрослеют дети и как эти же дети больше всех страдают.

Это особенно важно в свете проводимой специальной военной операции и тех задач по патриотическому воспитанию, которые поставлены сегодня президентом и востребованы обществом. Современные события показали, что сегодня молодому поколению необходимо знать героическую историю борьбы с фашизмом своих предков.

Пусть эта книга будет своеобразным памятником тому поколению советских людей, которые отстаивали независимость нашей Родины в борьбе с фашизмом и возродили ее после разрушительной войны, сделав ее передовой державой мира.

**И.Б. ЩАПОВА, председатель Правления Читинского городского отделения
Общероссийской общественной организации «Дети войны».**

ДЕТИ ВОЙНЫ

Музыка Татьяны Тараевич.
Стихи Эльвиры Челноковой.

*Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.*

*Мы были взрослыми не по годам,
Хоть лет тогда немного было нам.
Мы испытали ужасы войны:
Блокаду, голод и мороз зимы.*

*Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.*

*Теряли мы отцов и матерей,
В глаза смотрели тысячам смертей...
Мы – здесь, а сколько приняла земля
Невинных душ, не ведавших тепла?!*

*Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.*

*Взгляните в небо ночью при луне,
Там ярко светят звезды в вышине,
Там наши братья – Родины сыны,
Родные, не пришедшие с войны.*

*Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.*

Раздел I

«МЫ ТАМ ТАКОЕ ПОВИДАЛИ, ЧТО НЕ ЗАБЫЛИ ДО СЕДИН...»

Вспоминают дети, пережившие оккупацию и блокаду Ленинграда

АБАЛМАСОВА
Нина Васильевна

Абалмасова Нина Васильевна родилась 19 июня 1940 года в городе Хабаровске. В Читу приехала в 1958 году. Окончила Читинский строительный техникум. Работала в Военпроекте-487 более 40 лет.

«Отличник военного строительства», «Ударник коммунистического труда». Общий трудовой стаж 60 лет.

Я родилась за год до начала войны в Хабаровске, а первые детские годы прошли в Сталинграде. Про войну я знаю только по рассказам мамы, Тамары Михайловны. За два года до войны мама вышла замуж за Андреева Василия Павловича, моего отца, который учился в городе Скопине (там проживала моя мама) в военно-строительном училище. После окончания военного училища папа получил направление в Хабаровск. К месту его службы отправилась и мама.

Когда мне шел девятый месяц, мама поехала к своим родителям в г. Скопин, чтобы показать внучку. Там и застала нас война. Бабушка испугалась за свою дочь, мою маму, которая всегда была активисткой, комсомолкой, и срочно отправила нас в Сталинград к дедушке и бабушке, родителям моего отца. Так по иронии судьбы мы попали в самую горячую точку Великой Отечественной войны, город, где развернулась самая грандиозная битва с фашистами.

По рассказам мамы и близких родных, жили, как все, под бомбежками и обстрелами. Мама вспоминала, как один раз она сидела во дворе со мной на руках. Стали бомбить, она встала и отошла подальше. И в этот момент фугасная бомба попала в то место, где мы только что сидели. Совершенно случайно мы не погибли.

Когда 2 февраля 1943 года наши войска изгнали фашистов из Сталинграда, мама ушла на фронт.

Я осталась в городе с бабушкой и дедушкой. Почти сразу умирает бабушка. Дедушка остается один с пятью детьми: четверо несовершеннолетних своих детей и я, маленькая внучка. И дед ре-

шает отдать меня женщине из села Солодняки, что находилось на другом берегу Волги. У нее погибла своя дочь. За меня она отдала деду мешок зерна или муки, точно не помню. Этим дедушка, возможно, спас своих детей и меня заодно. Так, пока мама приближала Победу в составе 4-го Украинского фронта, я росла в чужой семье. Но не обижаюсь ни на кого. Возможно, это было спасением для всей семьи деда. Хотя нищета была и голод, но люди они были добрые. Шансов не погибнуть от голода в семье дедушки было мало.

Я жила в новой семье до конца войны. После войны мама, вернувшись с фронта, долго искала меня. Дед сказал ей, что я умерла, мама ему не поверила. Она начала поиски. И нашла меня! Мы уехали на ее родину в Скопин.

В 1948 году я пошла в школу. Из 33 учеников в нашем классе отцы были только у трех первоклашек.

В памяти навсегда остались вечера, когда мама, ее подруга, тетя Лида, и ее муж, дядя Паша, пели фронтовые песни «Синий платочек», «Землянка», «Катюша» и другие. Подруга мамы тоже прошла фронт, была медсестрой. А ее мужа, боевого летчика, привезли с простреленной спиной. Он всегда лежал. Пели они очень душевно. Жаль, что эти мамины друзья ушли из жизни очень рано, так же, как и моя мама.

В 1958 году я приехала к отцу в Читу. Здесь я поступила в августе того же года в Военпроект-457. И вся дальнейшая жизнь моя была связана со строительством. Долгие годы руководила отделом снабжения на строительстве аэродромных сооружений. Здесь я повстречалась с будущим мужем – Юрием Дмитриевичем Абалмасовым. Прожили мы с ним долго и счастливо. Он умер в 2002 году.

Страшные годы войны сказались на моем здоровье: я не могла иметь детей. Многолетнее лечение, походы по целителям выдали мне окончательный вердикт – детей не будет. Поэтому я считаю, что война не закончилась в 1945 году. Она закончится тогда, когда уйдет из жизни последний ребенок войны, потому что война живет в каждом из них, ее последствия мы, дети горящего Сталинграда и блокадного Ленинграда, ощущаем до сих пор.

Я не теряю оптимизма, мне есть кому дарить любовь и заботу. Жизнь подарила мне сводную дочь, Абалмасову (Кожевникову) Татьяну Юрьевну. Она стала моей дочкой, когда малышке не было и двух лет. Сейчас ей 54 года. Есть у меня и внук, которому 28 лет. Так и живем в любви и согласии втроем. Они – моя семья.

Я всегда с радостью воспринимаю жизнь. Когда мне было 60 лет, я еще работала в военной организации по профилю строительства. Когда исполнилось 65 лет, ходила с карабином в составе военизированной охраны. А сейчас в свои 80 лет продолжаю работать на собственной даче и консьержкой в одном из жилых домов столицы Забайкалья. Ко мне все относятся с уважением, потому что я всех встречаю и провожаю улыбкой.

Я люблю людей и ценю жизнь. Мы детским сердцем испытали боль и страдания, которые несет война. И поэтому по-особому относимся ко многим жизненным ценностям. Мы жили и живем в ладу со своей совестью. А это бесценное духовное достояние нашего поколения.

АПУШНИКОВА
Вера Никитична

Апушникова Вера Никитична родилась 13 мая 1932 года в городе Каменец-Подольский. Трудилась на парниках в Черновском овощесовхозе. Трудовой стаж – 42 года. Ветеран труда.

Я родилась на Украине. В 1941 году окончила первый класс. Во второй пошла только осенью 1945 года. Когда началась война, отец, как и другие мужчины из села, ушел на фронт защищать Родину. Остались старики, женщины и дети. Гитлеровцы моментально оккупировали города и села Украины. Теперь они вели себя как полноправные хозяева. В нашем городе было четыре школы. В центральной школе разместился немецкий штаб, там же устроились и полицаи. В другой школе жил комендант, а в третьей была устроена церковь и жил батюшка.

По городу немцы передвигались на мотоциклах. Сами холеные, воинственные. Чувствовали себя хозяевами. Наша учеба с приходом немцев сразу закончилась. Я, как и мои одноклассники, был мал, и нас пока немцы не трогали, а вот подростков постарше немцы «сгребали» всех и увозили в Германию. А тех, кто сопротивлялся, кто не хотел ехать, забирали в штаб, избивали там, как хотели. Потом выбрасывали уже искалеченных, изможденных, больных. Их подбирали родители и на руках, тайком, быстрее уносили по домам. Были и те ребята, которые прятались, но если их находили полицаи, то издевались над ними страшно. Выводили на площадь, куда сгоняли все население, полицаи жестоко избивали до полусмерти не только подростка, но и всю семью. С площади их уносили, сами они идти не могли. Вот какие эти немцы и полицаи! Не дай бог еще когда-нибудь пустить их на нашу землю! Без слез не могу это вспоминать. Наша окрестность оказалась в центре сильнейших боев. С большим трудом и потерями брали наши войска эти места. Боевые перепалки с редкими передышками тянулись по нескольку дней. Наши «Катюши» били в сторону немцев, а немцы били в ответ. И самолеты бомбили с неба. Во время бомбежки мама нас всех троих обхватывала руками, крепко прижимала к груди и молилась. Молилась, чтобы не попал снаряд в хату, а уж если такое случится, то пусть уж лучше всех сразу.

Когда наступало затишье после боев, подбирали наших раненых солдат, переносили их в дома, где им оказывалась медицинская помощь. Часто во время боев убивало и ранило многих односельчан, соседей и родных. Советские солдаты шаг за шагом освобождали нашу землю, но были и моменты отступления. Отступали со слезами на глазах, понимая, что оставляют нас без защиты. А нам куда? Так и оставались между жизнью и смертью. Но мы верили, что наши вернуться. Ради этого мы всё терпели и ждали, ждали...

В начале 1944 года частично освободили нашу местность и наши школы от гитлеровской мрази. Но разрозненные немцы долго еще появлялись в селах, нагло забирая продукты, какие найдутся в доме. Наконец, в марте 1944 года советские войска полностью освободили наши территории от немцев. Вместе с освободителями мы пережили такую радость! Все-таки мы дождались часа окончания войны!

И как непросто было начинать снова жить! Народ оголодал, обнищал, устал. Не было самого элементарного в домашнем обиходе: мыла, соли, спичек (огонь добывали кресалом). Война не сразу кончилась. Теперь она шла за жизнь. 1946–1947 годы – годы страшного голода, буйства инфекционных болезней, не хватало лекарств.

Как вспомню, что пережили мы детьми, душат слезы и мороз по коже до сих пор...

БЕЛОВА
Вера Трофимовна

Белова Вера Трофимовна родилась 7 июня 1937 года в городе Попасная Ворошиловградской области. Окончила Иркутский финансово-экономический институт, работала в отделе труда и заработной платы Дарасунского завода горного оборудования до самой пенсии. Ветеран труда.

В 1940 году семья переехала в станицу Камышеватскую Краснодарского края.

Началась Великая Отечественная война. Немцы подошли совсем близко. Станицу бомбили три раза. К нам по соседству поселили семью, чей дом разрушился после бомбардировки, а они остались живы, так как прятались под кроватями.

Помню такой случай. Я была дома одна, мама работала в колхозе, сестра участвовала в рытье окопов. Слышу – летит немецкий самолет. Я побежала к соседям. У них дома была бабушка с внуками, она загоняла их домой, и я с ними забежала и залезла под кровать.

В 1944 году мы вернулись в Попасную, она была разрушена вся. В школе стояли пленные немцы, поэтому мы начали учиться в разных домах, когда я училась в третьем классе, построили временную школу. В 1950 году немцев вывезли, школу отремонтировали. И мы только в девятом классе начали учиться в своей родной школе.

Семья наша, как и большинство, жила трудно и бедно. После школы мне пришлось идти трудиться. В своем родном городе я пять лет отработала на вагоноремонтном заводе свердловщицей. Потом мы с подружкой решили увидеть далекую Сибирь, поехали в город Шелехов. Там я окончила институт. По направлению приехала работать в поселок Дарасун Карымского района Читинской области на завод горного оборудования.

Вышла замуж. У меня двое детей: дочь живет в Иркутске, а сын – в Москве.

ВЕНГЕРОВ
Александр Макарович

Венгеров Александр Макарович родился 23 апреля 1941 года на Донбассе. Окончив в 1960 году среднюю школу, поступил в Донской сельскохозяйственный институт в городе Новочеркасске Ростовской области. По распределению приехал в Читинскую область. Работал в производственных структурах, в колхозах, совхозах.

Я родился за два месяца до начала Великой Отечественной войны. Отец сразу ушел на фронт, через год, в 1942 году, пришла похоронка. Дата его смерти и место захоронения не установлены. Мама, которой шел только 30 год, осталась одна с четырьмя малолетними детьми. Старшей сестре шел девятый год. Город был оккупирован фашистами. Войну помню по рассказам мамы. В нашем саманном домике жили немцы. Несмотря на опасность, мама с сестрами ходили по ночам собирать колоски, меня оставляли в темноте одного.

Донбасс освободили осенью 1943 года. В детскую память врезались картины того времени – улица усыпана нераззорвавшимися снарядами и минами, гильзами, в переулке подбитый советский танк. Были случаи гибели и увечий детей от подрыва на минах. На всю жизнь запомнились голод и разруха, карточная система.

В школу я пошел в 8 лет, из-за проблем с одеждой и питанием. Отучился, получил высшее образование. Увлёкся наукой и преподавательской деятельностью. Пишу стихи.

ГУРЕВИЧ
Валентина Васильевна

Гуревич Валентина Васильевна родилась в октябре 1940 года в селе Нюхча Беломорского района Карельской АССР. Окончила Читинское музыкальное училище и Восточно-Сибирский государственный институт культуры. Более 50 лет работает преподавателем хоровых дисциплин Забайкальского краевого училища культуры. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Награждена Знаком Министерства культуры СССР «За отличную работу» и Знаком общественного признания «Гордость Забайкалья», Почетной грамотой Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

Когда началась война, мы жили в Ленинграде, куда по роду службы перевели отца. Конечно, я помню очень мало из военного времени. В памяти отложились лишь скудные рассказы родителей. О войне, жизни в блокадном Ленинграде как-то в семье мало говорили. Мама рассказывала, что когда начиналась бомбежка, я пряталась под кровать. Как-то мы с родителями ехали по Ленинграду в полуторке, мы с мамой устроились в кабине, а папа сидел в кузове. Мама была на последних месяцах беременности. Рядом с нами ехала еще женщина в военной форме. Как рассказывал папа, начался обстрел города, и рядом с машиной разорвался немецкий снаряд. У машины взрывной волной снесло все шины. Так и летела машина на колесных дисках. Мы каким-то чудом остались живы, а вот женщина, сидевшая рядом с отцом, погибла от осколка этого снаряда. А потом голод, холод. Мама рассказывала, как меня кормила. Нажевывали в тряпичную соску и благодаря этому спасли.

Когда в 1972 году я поехала в Ленинград на курсы в институт культуры, мама сказала: «Там ты увидишь «Дорогу жизни». И правда, на Финляндском вокзале я увидела небольшую стелу, на которой было написано «Дорога жизни». Именно отсюда начиналось движение по Ладоге. И тогда я осознала, что такое дорога жизни, и как родители смогли меня спасти.

В феврале 1942 года мы выехали из блокадного города через Ладожское озеро на лошади. Отец построил какую-то кибитку. Мама должна была вот-вот родить. До конца жизни папа не мог без слез вспоминать это, не мог забыть мальчика, на санках везшего свою сестренку, его лицо и взгляд старика.

Наконец, семья добралась до села Никольское Воронежской области, где жили родители отца. Мама вспоминала: «Поставили на стол чугунок с картошкой, а ты одна все съела. Живот раздул-

Исполнительница русских народных песен Самойлова Валя. Аккомпанирует Варпаховский Л.В. Вале 11-12 лет

ся, а мне тебя жалко. Бабушка Химарья отняла тебя и стала выкармливать по-своему». Уже взрослой я шутила: вот я и не выросла потому.

По долгу службы папу перевели в Магаданскую область, где в поселке Усть-Омчуг и прошли мои школьные годы. В школе я принимала участие в художественной самодеятельности, руководителем которой был политический ссыльный Варпаховский Леонид Викторович, ассистент самого Мейерхольда, после выезда на материк он работал в Вахтанговском театре. Спустя годы я всегда с восхищением говорю об этом человеке. Я считаю его своим первым педагогом, привившим любовь к сценическому творчеству.

Я была, как говорят родители, голосистым ребенком с самого начала. Пять лет мне было, помню, была коммунальная квартира, в углу стоял мешок картошки. Я сидела на этом мешке и пела «Одинокую гармонь». Отец хорошо играл на гармошке, мама хорошо пела. Я пела народным голосом. У меня даже фотография есть, где я стою в сарафане, и грамота за исполнение русских народных песен. С самого раннего детства меня сопровождает песня.

В Читу я приехала после школы. Чита – родина моей матери. Я приехала поступать в педагогический институт, у меня всегда было хорошо по литературе. Немного не добрала до проходного балла. Расстроилась.

Судьба свела меня с Константином Широковым, баянистом. Послушав меня, он буквально за руку привел в музыкальное училище. Было уже поздно, набор прошел. Как раз открылось Российское хоровое общество, и меня поставили секретарем. Я научилась печатать на машинке, собирала взносы и продолжала заниматься пением. Потом меня приняли в музыкальное училище. Это было здорово! Как мне нравилось заниматься! Помню свое первое произведение, в котором дирижировала, – «Воет ветер в чистом поле».

Хор старших классов школы № 5. Руководитель Гуревич В.В. 1965 г.

У моих родителей было тогда уже трое детей. Все одновременно учились, и каждому родители старались помочь материально. Я пошла работать после первого курса: вела уроки пения, руководила школьными хорами. Преддипломную практику проходила в Читинской школе № 5. Школа готовилась к смотру, и мне было поручено подготовить хор старших классов. На смотр я де-

лаю «Мои думы» Козака на стихи Тараса Шевченко. Четырехголосное произведение, смешанный хор. Меня заметили. И после окончания училища пригласили в Дом пионеров хормейстером. Мне было уже 30 лет, когда директор культпросветучилища Курбатова Нина Владимировна позвала меня преподавателем в училище.

Больше 50 лет работаю в тепер уже Забайкальском училище культуры. Это мой родной дом, моя любовь. Люблю свою профессию. У меня дирижирование и вокал.

Сама люблю петь в различных аудиториях. Когда был военный округ, пела со штабным оркестром. Мне по жизни всегда нужно было что-то делать. Со студентами создали ансамбль духовной музыки. Лет 20 он существовал. Я даже имею настольную медаль от епископа Ефстафия «За воспитание молодежи в духовном плане».

Я часто пела, нравилось мне это. Михаил Евсеевич Вишняков, наш забайкальский поэт, назвал меня «серебристая флейта Читы». Я очень придирчиво и разборчиво относилась к текстам того, что пою. Тесно сотрудничала с читинским композитором Леонидом Георгиевичем Аверьяновым.

Сложилась у меня и семья. Вышла замуж за Алексея Гуревича, концертмейстера, прекрасного музыканта. Работали вместе: я дирижирую хором или пою сама, а он аккомпанирует.

Вырастили двоих сыновей, Андрея и Дмитрия. 26 лет мы прожили в своем доме, и ребята мои с детства знают, что значит принести воды, наколоть дрова. Это их воспитывало. Мы с мужем все время на работе, в работе. Сыновья стали музыкантами. В энциклопедии Забайкалья «Культура» рядом стоят две фамилии – моя и народного артиста России, балалаечника Андрея Алексеевича Гуревича. Сегодня он солист Русского академического оркестра Новосибирской филармонии. В 2020 году ему было присвоено звание «Человек года». Это, видимо, общественное признание города Новосибирска. У Димы тоже музыкальные способности, видимо, они в отца и немножко в меня. Он великолепно играет на гитаре, под хорошее настроение может написать музыку. Он написал несколько песен на стихи нашего земляка И. Железняка. Но для него музыка – хобби.

Я счастлива, что у меня так сложилась и жизнь, и судьба.

ДУРАКОВА Валентина Тихоновна

Дуракова Валентина Тихоновна родилась 5 апреля 1932 года в городе Сельцо Брянской области. Работала поваром. Общий трудовой стаж – 43 года. Ветеран труда. Награждалась Почетными грамотами. Имеет много Благодарностей.

В нашей семье было шестеро детей. Когда началась война, мне было 9 лет, я уже училась в школе. Три года мы жили в условиях фашистской оккупации. Доучивалась уже после войны.

После нападения немцев на нашу страну отец сразу ушел воевать. Через месяц фашисты начали бомбить наш город. Немцы три года хозяйничали в городе, а, отступая, сожгли его, остались одни печные трубы.

Был голод. Нечем было кормить детей. Мерзлый картофель, лебеду, щавель – все это ели. Пекли капустные листья в русской печи. Коров немцы отобрали. Мы, как могли, прятали скот. Люди от голода сначала худели, а потом пухли. Жили в сараях, землянках. Бушевал тиф, немцы очень боялись заразиться.

Валентина Тихоновна – вторая слева.
День пожилого человека в библиотеке № 20 г. Читы.
01.10.2018 г.

Молодежь уходила в партизаны. При нас убивали евреев. Когда собирали хворост, часто видели мертвые тела в разорванной одежде. Немцы запомнились одетыми с иголки, с губными гармошками.

Мы постоянно были под бомбежками. Помню, мама пряталась в погребе с 18 девушками, которых потом немцы арестовали. Сына директора школы и мужа маминой сестры повесили. Помню, как нас согнали всех в сарай. Потом отпустили.

После войны по карточкам получали 200 граммов хлеба.

Во время войны погибли мамин племянник, родные братья отца, умер от тифа брат маминой тети. Сгорел в танке отец моего мужа.

После войны осталось много оружия, снарядов, мин, которые лежали повсюду. Часто дети подрывались на них.

После войны я много лет проработала в поселке Черновские. Принимаю участие в мероприятиях, проводимых в библиотеке и школах. Рассказываю о войне и о том, что пережила.

ЖДАНОВА **Олимпиада Михайловна**

Жданова Олимпиада Михайловна родилась в 1934 году в городе Наро-Фоминск Московской области. Окончила педагогический институт. До пенсии работала учителем.

Я родилась в небольшом городке Московской области Наро-Фоминске, что стоит на реке Нара. В городке была ткацкая фабрика и три казармы для ткачей.

Началась Великая Отечественная война. Городок постоянно бомбили. Жители рыли окопы. В октябре 41-го года к городку подошли отступающие войска Красной Армии. Шли кровопролитные бои. Но городок красноармейцам пришлось оставить. В городок вошли гитлеровцы. И началось самое страшное. Молоденьких девчат и ребят угнали в Германию. Помню, стояли холодные слякотные дни поздней осени. Фашисты, согнав жителей в одну кучу, погнали нас в неизвестном направлении под дулами автоматов и лай оскалившихся овчарок. Наша мама, ее старенькая бабушка, братишка, две маленькие сестренки и я тоже были в этой толпе. Стариков, которые не могли идти и падали, расстреливали на месте. Маленьких детей, которые начинали плакать, вырывали из рук матерей и выбрасывали в снег. Взрослые закрывали им рты, чтобы фашисты не слышали нашего плача, тем самым спасали нам жизнь.

Шли долго и молча, измотанные, голодные и холодные. На короткие привалы останавливались в старых сараях и церквах. За этот путь мы насмотрелись на зверства фашистов по отношению к советским людям. До сих пор стоит перед глазами заколотая штыком беременная женщина и распятый на оконной раме маленький мальчик. Но самое ужасное было еще впереди. Маму расстреляли фашисты, заподозрив ее в связи с партизанами. Осталась с нами старенькая бабушка.

Вскоре нас пригнали в Калужскую область, разместили в лагере около немецкого военного госпиталя. Детей начали использовать в качестве доноров для раненых немцев. Бабушку определили на работу в столовую. Как-то она попыталась пронести для нас еды, за что была жестоко избита. Вскоре бабушка умерла. Вслед за бабушкой не стало и двух маленьких сестренок. Мытарства нас двоих, оставшихся в живых детей, продолжались. Мы скитались по разоренным фашистами селам. Потерялся брат, последний родной и близкий человек.

В 1942 году судьба привела меня, обездоленную войной, в родной освобожденный от фашистов Нарофоминск. Меня определили в детский дом. Помню первые детдомовские впечатления. Одетые кто во что, обовшивевшие, голодные дети. Нас постригли наголо. Ели мы тошнотики – это такие лепешки из мороженой прошлогодней картошки и растертой сухой травы. Ели все, что можно было есть: лебеду, крапиву, первые березовые листочки, семена подорожника, заячью капусту, лопухи. Мы ходили с постоянной болью в животе, с выпершими ребрами.

Несмотря на эти трудности, открылась школа, и дети пошли учиться. В школе отопление было печным, и каждый ученик нес с собой полено. Ручек и карандашей не было, писали угольками на каких-то обрывках бумаги. Но мы хотели и стремились учиться.

Весной мы собирали металл на развалинах, чтобы обменять его в ближних деревнях на картошку, но не на еду, а чтобы были семена на посадку. Осенью собирали на полях колоски, приносили их в детдом, и нам пекли хлеб. Так продолжалось до 1945 года. Была еще одна опасность для детей. Нарофоминск был буквально напичкан оставленными фашистами минами, бомбами и снарядами. Сколько детей и взрослых погибло от них уже после войны! Только в начале 50-х годов закончилось разминирование.

Но вот пришла Победа! Меня ждала огромная радость – нашелся брат! А в 1946 году вернулся с войны отец. После войны я окончила школу. На выпускном вечере я надела свое первое платье! В годы войны мы ходили в чем попало.

Брат поступил в ремесленное училище, а я – в педагогический институт. После окончания института я встретила своего будущего мужа, Жданова Николая Георгиевича, тоже педагога по образованию, и уехала с ним на его малую родину, в Забайкалье, которое стало для меня родным.

Многое пришлось пережить. Я до сих пор боюсь скопления людей, не могу переносить шум.

Мы, дети войны, не видели ласки, у нас не было игрушек. Но мы знали, что мир не без добрых людей. Я хочу сказать огромное спасибо тем людям, которые помогали нам, обездоленным войной, кто кусочком хлеба, кто пускал переночевать, а кто просто ласковым словом.

Спасибо воинам-сибирякам! Именно они обороняли и отстаивали сердце нашей Родины, город Москву и Подмосковье!

Я желаю, чтобы никогда не было войны!

ИЛЬЧЕНКО

Людмила Александровна

Ильченко Людмила Александровна родилась 28 августа 1937 года в городе Ленинграде. Работала телефонисткой, инспектором в Черновском районном отделе социального обеспечения города Читы. Ветеран труда.

Мой отец, Сухарев Александр Георгиевич, до 1936 года проходил срочную службу в городе Чите. Здесь он познакомился с моей мамой, которая работала официанткой в вагоне-ресторане. В 1936 году они

«Детство, опалённое войной»

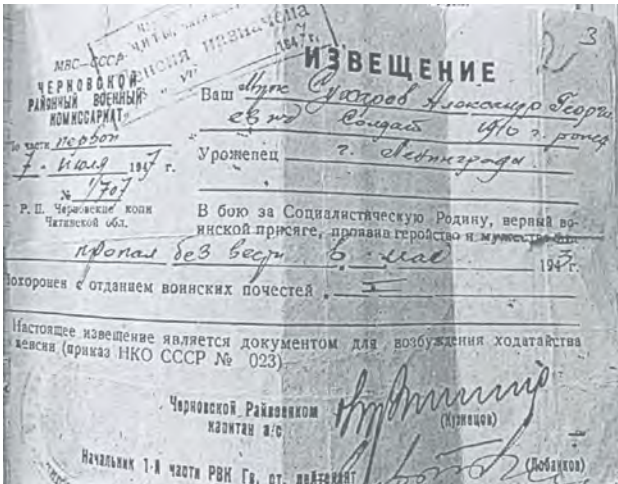
уезжают в Ленинград, на родину папы. В 1937 году родилась я, в 1939 году – сестренка Ниночка и еще через два года – Лидочка. Именно так: Людочка, Ниночка, Лидочка – называли нас родители. Папа работал на заводе связистом-сдатчиком.

Началась война, и папа в сентябре 1941 года ушел на фронт.

Пропап без вести в мае 1943 года.

Помню наш деревянный дом, квартиру на первом этаже. В подъезде горела синяя лампочка, а возле дома всегда сидела собачка, которую звали Томка.

Помню, как во время бомбежек в небо Ленинграда поднимали аэростаты заграждения. Нам объяснили, что заграждения из аэростатов мешали бомбежкам. Если фашистский самолет попал в аэростат или в его тросы, то он разбивался, и на земле меньше было разрушений, пожаров и людских жертв.

Начинались бомбежки, и мы бежали в бомбоубежище. Это было так часто, что мама не выдержала и однажды сказала: «Если бомба попадет, то лучше погибнем все вместе, все сразу». И мы оставались дома.

Помню, как мама делила нам с Ниночкой хлебешек. Нина сразу съедала с жадностью свой кусочек. А я раскрошу свою пайку и в рот кладу по крошечке. Бедная Ниночка! Она сидит, смотрит на меня и видно, как ей хочется есть! Когда выросла зеленая травка во дворе, мы щипали её, и мама из этой травки варила «бурду». Собачку Томку, когда и самим стало есть нечего, отпустила на улицу. Больше мы ее не видели, к нам она не вернулась.

Голод наступал, делая свое черное дело. Мама два раза пыталась эвакуироваться, но бабушка не отпускала, плакала: «Куда ты с тремя детьми, погибните!» Умер дедушка. Умерли мои сестреночки. Тогда мама решила в третий раз, бабушка уже не отговаривала.

В августе 1942 года мы переправлялись через Ладожское озеро. Было жутко страшно. Мама рассказывала, что было, как в аду, с двух сторон взрывы, взрывы... Крики, плач... Люди тонут... Попал снаряд и в

Ильченко Валерьян Васильевич и Людмила Александровна

наше судно. Маму ранило осколком в шею, но она сумела меня закрыть. Она была хрупкой, но очень сильной по духу. Я очень благодарна ей за жизнь! Спасибо, мамочка!

Эвакуировали нас в Новосибирск. На вокзале мама пошла узнавать, как доехать до Читы, а меня оставила с узелочком в уголке. Я же заигралась с другими детьми и проглядела: узелок с документами, вещичками и фотографиями украли. И мы остались в Новосибирске. Мама устроилась на работу в колхоз, на быках возить молоко. Но там тоже жить было не сладко – тот же голод, те же болезни. Только после войны в 1946 году мы переехали в Читу.

В Чите я окончила 8 классов и пошла работать телефонисткой. В 1958 году я встретила своего мужа, Ильченко Валерьяна Васильевича. Поженились и живем по сих пор вместе. У нас родилось трое детей: сын Володя и две дочери. Я стала работать счетоводом, а потом инспектором в Черновском районном отделе социального обеспечения города Читы. Муж работал на шахте «Восточная» сейчас мы на заслуженном отдыхе. Дети подарили нам 5 внуков и 7 правнуков.

Пережитое в годы войны вспоминаются с болью. Радуюсь, что наши дети не знают этой беды. Мою послевоенную жизнь можно назвать счастливой: хороший любящий муж, замечательные дети, внуки, правнуки.

Спасибо моей мамочке, что сберегла меня в годы войны!

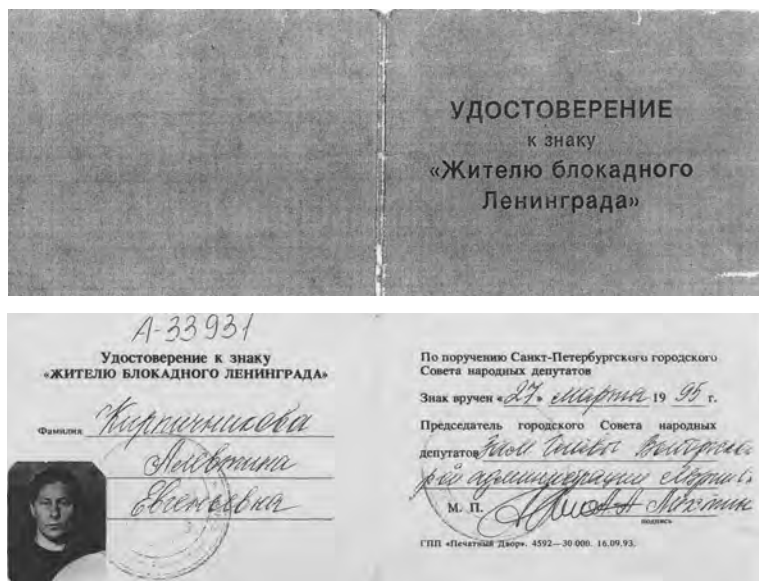

КИРПИЧНИКОВА **Алевтина Евгеньевна**

Кирпичникова Алевтина Евгеньевна родилась 17 января 1929 года в деревне Кочергино Ярославской области. Окончила Щербакровский педагогический техникум и по направлению приехала работать учителем начальных классов в Забайкалье. В 1971 году окончила историко-филологический факультет Читинского государственного педагогического института им. Н.Г. Чернышевского. Педагогический стаж – 52 года. Ветеран труда.

Когда мне исполнилось 4 года, семья переехала в город Ленинград. Мама, Соколова София Ивановна, работала токарем на заводе. Папа, Евгений Александрович, трудился на фабрике. У нас была комната в коммунальной квартире на Выборгской стороне, считавшейся в те годы окраиной города. Рядом была остановка трамвая, и поэтому проблем доехать до центра не было. Я с удовольствием гуляла с мамой по Ботаническому саду, ходила в цирк, каталась на колесе обозрения, с которого открывался изумительный вид на город. Я обожала мороженое, шоколадные конфеты, которые можно было купить поштучно на уличных лотках. Жизнь была яркой, увлекательной, интересной. Я училась в школе, много читала, пела песни. А потом – война...

Помню хорошо, был летний воскресный день. Я играла во дворе с подружками. Мужчины-соседи резались в домино, соседки беседовали на скамеечке. И вдруг, как гром с ясного неба, прозвучало сообщение о начале войны. Мне тогда было 12 лет. Я не сразу осознала, почему вдруг

наступила такая тягостная тишина. А это пришла война!

Мне, ленинградке, пришлось испытать все тяготы первой блокадной зимы. Немцы регулярно бомбили город. По ночам женщины и подростки дежурили на крышах – тушили зажигательные бомбы, чтобы избежать пожара. Однажды и я, будучи в гостях у знакомых в центре города, когда началась тревога, поднялась с другими членами штаба дружинников на крышу. Там стояли ящики с песком и бочки с водой. Когда несколько фугасок падали на крышу, ребята в специальных рукавицах быстро их подхватывали и сбрасывали в бочки с водой. Так спасали дома

от пожаров. Но случалось, что и горели. Конечно, было страшно.

С первых дней войны все в целях маскировки начали затемнять окна. Окна затемняли черными шторами из чем-то пропитанной бумаги. Потом надо было выйти на улицу, чтобы посмотреть, не пробивается ли где свет. Но вскоре электричество отключили. В холода нас спасало печное отопление. У кого не было печей, ставили так называемые буржуйки. Дров не было, жгли всё, что могло гореть, – книги, мебель.

Но страшнее всего был голод. Больно говорить об уничтожении Бадаевских продовольственных складов. Немцы в первую очередь бомбили их. Эти склады тянулись на несколько километров, так что куда ни сбрось бомбу, обязательно попадешь в цель. Мука сразу сгорела, а растопленный сахар тёк перегоревшей патокой.

Продукты начали выдавать по карточкам. На иждивенца выдали по 250 граммов и 500 граммов на работающего. Нормы хлеба постепенно снижались. В конце ноября стали выдавать соответственно – 125 и 250 граммов. То, что выдавали, трудно назвать хлебом, это был жмых с торчащей остью. Помню, несешь этот кусочек домой, бережешь, не ешь, чтобы потом растянуть его на целый день, съедая по крошечке. Немного выручал нас парк, который был неподалеку. Мы с другими ребятами из-под снега раскапывали листья дубов. Из них варили кашу, которая на немного утоляла жажду и голод. Иногда удавалось на рынке выменять на что-нибудь клей. А уже в декабре, кроме листьев и маленького кусочка хлеба, ничего не было.

Вот тогда и началось самое страшное время. Помню соседку Лизу с ребенком. Она уходила на работу, а я присматривала за дитём. Но вскоре ребенок умер. Потом умерла и Лиза. Они так и лежали в своей комнате.

Люди умирали прямо на улице. Идет человек потихоньку и вдруг падает, но никто к нему не подходит, потому что наклонишься и сам останешься тут же: сил-то не было от голода.

В декабре 1941 года умерла мама. Легла вечером спать и утром не проснулась. Мы с папой положили её на санки и повезли к церкви. Там её отпели и похоронили в небольшой могилке, за которую копальщикам заплатили маминой продуктовой карточкой. А в январе умер папа, он умер, как мама, – уснул и не проснулся.

Этажом выше жил мальчик Коля Козлов, он был немного старше меня. Мы с ним завернули папу в простыню, положили на саночки и увезли на Скобелевский проспект, туда свозили умерших. А тех, кого не могли отвезти, оставляли там, где человек умер. Только в марте стали ходить санитарные грузовики, которые подбирали умерших сначала на улицах, а потом и по квартирам.

Бедные мои родители! Они работали до последнего своего часа, пока были силы. Меня многие годы мучила одна мысль: они могли выжить, если бы не отдавали мне свои дольки хлеба, может быть, и выжили бы...

И вот я осталась одна в комнате. Страх не было. Я плохо помню, что делала тогда. Помню какие-то отрывки: как набирала снег в чайник, как обменяла старинную швейную машинку на 200 граммов пшена у одной из соседок.

Спасла меня наша знакомая Мария Пчелкина. Она оформила мне эвакуационную карточку и договорилась с молодой женщиной, которая собиралась в эвакуацию. Мне надо было добраться в Ярославскую область, на станцию Волга. Там жила моя бабушка и две тети.

Я не помню, как я добиралась до места сбора. В память на всю жизнь врезалась дорога по льду Ладожского озера. Мы сели в грузовую машину и поехали. Мне было очень тревожно: рядом ни мамы, ни папы, ни одного близкого знакомого человека. Мне всего 13 лет,

Алевтина Евгеньевна с мужем и внуками

куда я еду с чужими людьми, зачем, что меня ждет впереди? Ехали по ледовой дороге и не знали, что потом назовут её Дорогой жизни.

Был уже март месяц, лед не везде прочный, машины идут разными колеями. Помню, впереди нас машина попала в проталину и прямо на наших глазах ушла под лед. Другие машины, не останавливаясь, проходят мимо. Ужас! Позднее я узнала, что останавливаться было нельзя: другим не поможешь, а погубишь тех, кого везешь. Наконец, доехали до железнодорожной станции.

Нас накормили, посадили в товарный поезд.

Ехали долго, часто останавливались, пропуская военные эшелоны. Посредине вагона стояла печка-буржуйка. Около нее было жарко, а чуть отойдешь – сразу мерзнешь. Все тепло ветром выдувало. Хотелось есть!

Вот моя знакомая доехала до своей станции, а меня отправили дальше с девочкой чуть постарше, она добиралась до Рыбинска. Сначала мы шли долго пешком. Потом на попутной машине.

В Рыбинске моя попутчица осталась, чтобы искать своих родственников. Меня же посадили на поезд, и дальше я ехала одна. Только первого апреля я сошла на перрон станции Волга. В руках – чемоданчик с вещичками, на ногах – валенки, которые тут же промокли от весенней распутицы. Но прибавились силы, казалось, что прямо лечу к родным. На самом же деле бежать я не могла, а долго-долго шла. Родные уже не чаяли увидеть свою внучку и племянницу.

Помню, были слезы радости и расспросы, желание поскорее накормить. Бабушка отварила чугунок картошки. Я ем, ем, уже живот стал тугой, болит, а мне всё хочется есть. Потом легла у печки и тут же уснула. На этом закончились мои самые тяжелые пути-испытания.

Конечно, война и здесь давала о себе знать. Были бомбежки. Немцы рвались к Волге, но им давали достойный отпор. Мы жили на самом берегу Волги, рядом с мостом, по которому шли военные эшелоны. Мост с четырех сторон охраняли наши зенитки. Иногда немцам удавалось бомбить его, но ни одна бомба так и не упала на мост. Помню, как одна бомба упала в Волгу напротив нашей школы. От взрыва в окнах школы вылетели все стекла. Их потом фанерой закрыли. Так что учились мы после этого в холодной школе. Но это уже не беда, это терпимо.

Войну пережили. В 1947 году я окончила Щербаковский педагогический техникум и в числе 17 будущих учителей начальных классов приехала в Читинскую область. В 1971 году получила диплом о высшем образовании, окончив Читинский педагогический институт им. Н.Г. Чернышевского. До 70 лет работала учителем русского языка и литературы. На пенсию ушла в 1999 году.

Я рада, что выбрала такую профессию, рада, что работала с детьми. Это моя молодость, мое счастье, мое здоровье!

Могу похвастаться: у меня сын, две дочери, 8 внуков, 11 правнуков и 1 праправнук.

Пусть никогда не будет войны!

КОСТИНА
Наталья Петровна

Костина Наталья Петровна родилась 14 марта 1926 года в селе Старая Калитва Воронежской области. Специалист по статистике. Труженица тыла. Ветеран труда.

Вспоминать о войне всегда очень тяжело, а уж о том, как мы выжили в то страшное время, скажу откровенно, просто невозможно. Не хватает ни сил, ни здоровья: все-таки мне уже 96-ой год. Но ради молодого поколения, чтобы знали и помнили, что такое война, сколько она несет людям горя и потерь, надо нам, последним живым свидетелям этих страшных событий, рассказывать о годах войны. Конечно, прошло уже много лет, что-то стерлось из памяти, забылось. Но до сих пор живет в моей душе страх от увиденного и пережитого тогда.

... Мне 14 лет. Ясный солнечный день. Наша бригада работает в поле. Мы с девчонками помогаем взрослым. Вдруг видим, по полю верхом на коне едет человек. Он что-то кричит и машет руками. Когда он приблизился к нам, мы узнали в нем своего бригадира. Сначала мы подумали, что случился пожар, что горит чей-то дом в селе. Так бывало иногда. Но потом мы расслышали, что он кричит: «Все по домам! Все домой! Война!» Женщины постарше заплакали, заголосили во весь голос. Кто-то стал их уговаривать, что война не будет долгой, что она скоро закончится. Когда добрались до дома, там уже все знали о страшной новости. Плачут. Собирают мужикам котомочки. На следующий день забрали всех мужчин. На всё село остался один инвалид. И все понимают: теперь вся работа ляжет на женские и детские плечи.

А война всё не кончалась. Она всё ближе и ближе к нам.

Наша улица шла вдоль речки. Однажды мы с девчонками пошли искупаться, смыть рабочую пыль и дневную усталость. Спустились метров на сто и услышали страшный гул в небе. Это летели самолеты к Дону, который от нас километрах в трех. С бугорка мы видим, что все переправы переполнены людьми. Не знали мы тогда, что наши войска спешно отступают. Вот и сгрудились на переправах и военные, и гражданские, и скот, который угоняли подальше от фронта. Видим: самолеты кругами заходят над Доном и что-то бросают. Это уже потом мы узнали, что бросают они бомбы на переправы. Что там началось! Ужас! Сплошное месиво, по-другому и не скажешь! А самолеты всё летят и всё заходят снова... Вот тебе и погибшие, вот тебе и без вести пропавшие – всех принял батюшка Дон, всех... Царство им небесное!

Между тем фронт приближался. Наши отступали. И вот наступил день, когда в нашем селе появились немцы. Мы их страшно боялись, прятались в погребах, ямах. Особенно сильно боялись за нас наши мамы, специально мазали наши лица сажей. А если надо было идти к речке, то пробирались крадучись и только огородами. Однажды мы с подружками тайком огородами крались к реч-

ке, выскочили на дорогу и обомлели: метрах в пяти от нас сидят три немца. Увидели нас, чумазых, испуганных, и давай хохотать над нами. А мы обмерли и стоим, боясь пошевелиться. Но кто-то их окликнул, и они быстро исчезли, словно растаяли. Мы же чуть живые от страха про речку забыли и быстро огородами вернулись домой.

Видимо, это была разведка, потому что наутро на улицах появились немцы на мотоциклах и на машинах. Сразу пошли по домам, брали, что хотели. Односельчане им отдавали все: лишь бы никого не трогали. Через улицу протянули какой-то кабель и через переводчика предупредили, что если кто-нибудь его нарушит, то расстреляют каждого десятого на виду всего села. Мы все жили в страхе. Особенно боялись венгров, об их жестокости знали и говорили все. Село наше, так получилось, находилось в прифронтной полосе. Фронтная полоса... Это когда бомбили нас и немцы, и наши. И те и другие и бомбили с самолетов, и обстреливали с земли. А мы только успевали прятаться.

Помню, кто-то вырыл нору в потайном месте на берегу речки. В эту нору можно было пролезть только через узкую щель. Там мы тоже спасались и от бомбежки, и от немцев.

Однажды полицай поднял рано утром всех жителей села. Он бегал по дворам и кричал: «Выходите все из домов! Выходите! Чтобы все дома были пусты! Возьмите с собой, что можете!» И гнали нас по дороге, которая вела в город Россошь, где была железная дорога. Нас окружали немцы и полицай на лошадях. Мы шли весь день, к ночи дошли до какого-то поселения. И тут что-то произошло у немцев, нам было велено разместиться по дворам. Не в каждый двор нас пускали. Но нашлась одна семья, приютила нас и поделилась с нами, чем могла. Вот тут мы и узнали, что гнали нас в Россошь, чтобы загрузить в вагоны и увезти в Германию. Так фашисты вывезли не одну колонну несчастных. Нас спасло то, что началось сражение под Сталинградом, и немцам стало не до нас.

И опять мы попали во фронтную полосу. Опять нас бомбили то немцы, то наши. Бомбежки были страшные, горело все кругом, земля дрожала и стонала. У нас была одна цель: спрятаться, укрыться, сжаться в комочек, чтобы стать незаметными.

Помню, одна бомба упала недалеко от того места, где мы прятались. Бежать было бесполезно, счет шел на секунды. От страха мы все кричали, кто-то молился, кто-то плакал. У меня была своя молитва. Моя знакомая Наташа молилась двумя руками. Мы просили Боженьку о спасении. Вы не поверите, но бомба не взорвалась! Она просто разломилась на части. Как будто кто-то не бросил ее сверху, а просто положил частями на мягкую землю. И мы поверили тогда, что остались живы благодаря молитве.

А бомбили часто. Я так боялась, так боялась! Однажды спряталась в погреб, на полу которого была настелена солома. Бомбежка прекратилась, самолеты улетели, надо вылезать из погреба, а я боюсь. Меня зовут, уговаривают, а меня колотит от страха. Маме говорят: «Бери ее за голову и вытаскивай!» Бывало, дня по три не выходили из укрытий, боясь новых бомбежек.

Потом была победа в Сталинградской битве. Ой, сколько шло пленных немцев! Шли они день и ночь, день и ночь. Страшно было на них смотреть! Иногда загоняли их на ночлег в разбитую конюшню. А сколько их осталось лежать на дорогах, просто ужас...

Наконец, мы могли вернуться домой. Домой? Но не было ни дома, ни нашей деревни. Всё разбито, сожжено, уничтожено. Убежищем нашим стал полуразрушенный блиндаж. Позже стали рыть землянки. Помню, еды не было никакой. Ели траву со странным названием околачики. Считали едой немецкий крем от обморожения. В блиндаже на полке я нашла чашку с сухими макаронами и жадно их съела. Не помню, утолила ли я голод, но то, что отравилась – это точно. До сих пор не могу на них смотреть!

Я и сейчас без слез и боли в сердце не могу говорить о тех страшных событиях. У меня отец прошел всю войну, строил мосты и переправы через реки. Но многие наши односельчане так и не вернулись в родные места, затерялись на огненных дорогах войны. Воевал и муж мой, дошел до Берлина. Мы с ним вырастили троих детей. Мама хотя и не воевала, но горюшка хватила сполна, спасая нас от смерти, голода, холода.

Молодому поколению хочу сказать: «Любите Родину! Будете любить её, будете и защищать!»

КОЧКУРОВА
Людмила Борисовна

Кочкурова Людмила Борисовна родилась в сентябре 1933 года в городе Лебедин Сумской области (в то время – Харьковская область) в семье врачей. После войны семья переехала в Читу. В 1956 году поступила в Читинский педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского. Окончила физико-математический факультет. Преподавала математику в школе до 1960 года. С 1960 года работала экономистом-плановиком, а затем начальником отдела сводных перспективных и годовых планов в плановой комиссии Читинского облисполкома. Награждена медалями «За строительство Байкало-Амурской магистрали», «Ветеран труда», нагрудным знаком «Отличник народнохозяйственного планирования», присвоено звание «Заслуженный экономист РСФСР». С 1988 года – на пенсии. Имеет двоих детей, четверых внуков и пятерых правнуков.

До войны мы жили на Украине, в городе Волчанске Харьковской области. В первые дни войны родителей мобилизовали, они оба были врачами. И мы с младшей сестрой (ей было 5 лет, мне – 7) остались с маминими родителями. В Харькове, в месте сбора мобилизованных, быстро разобрались, что дома остались двое стариков с двумя малолетними детьми, и маму вернули в Волчанск служить в военном госпитале.

Фронт приближался стремительно. Днём и ночью начались частые бомбёжки. Взрослые рыли во дворах так называемые «щели», в которые прятались во время бомбёжек. Госпиталь срочно готовился к эвакуации на восток. Служащим разрешалось взять с собой самое необходимое: по одному чемодану и постель. Загружались в эшелон ночью в темноте, чтоб не привлечь бомбардировщиков. Плацкартные вагоны были переполнены людьми. И хотя на вагонах были нарисованы красные кресты, нас всю дорогу по территории Украины бомбили. Во время бомбёжек поезд останавливался, и мы выбегали из вагонов и ложились на землю подальше от железной дороги. За Москвой бомбёжек уже не было, но ехали очень медленно, подолгу стояли, так как пропускали военные эшелоны, которые ехали на фронт. С едой дела обстояли плохо. Маме выдавали паёк в виде мёрзлой картошки и хлопкового масла, которое пахло керосином. Отвратительный привкус этой еды остался в памяти на всю жизнь.

До города Рубцовска Алтайского края добрались только в октябре. Разместили нас в школьном спортзале, спали все вместе на полу на своих матрасах. Постепенно нас начали подселять к местным жителям. Дров было мало, так как заготавливать их было некому. Дома заносило снегом по самые крыши. Хорошо ещё, что двери у всех открывались вовнутрь, можно выходить из дома. Соседи помогали друг другу откапывать входы. А дети катались на санках с крыш домов.

Людмила Борисовна с мужем

В школе нас ежедневно поили горячим чаем с маленьким кусочком чёрного хлеба. Мама работала в госпитале очень много, без выходных, приходила домой только переночевать. Мы очень голодали. Бабушка собирала картофельные очистки и головы от селёдки из госпитальных отходов.

Варила похлёбку, а из очисток пекла лепёшки. Когда мама приходила после ночных дежурств, мы были безмерно счастливы, так как дежурные врачи должны были снимать пробу с еды для раненых. Свою порцию мама приносила нам.

Приближался Новый 1942 год, а ёлок-сосенок поблизости не было. Но на пустыре, возле дома, стояла высокая засохшая трава. Кстати, этой травой мы топили печку. Одну из толстых веток мама установила на столе в банке, и мы стали готовить для неё украшения. Эту радость забыть невозможно. Из мёрзлой картошки сварили клейстер, из тетрадных обложек голубого, салатного и розового цветов клеили цепи, фонарики. На белой плотной бумаге рисовали каких-то игрушек-зверюшек, раскрашивали цветными карандашами и вырезали. С предновогоднего дежурства мама принесла по кусочку сахара и маленький кусочек белого хлеба. Праздник был восхитительный!

Весной стало веселее, потому что взошла трава, которую можно было есть. А есть хотелось постоянно. Недалеко от дома начала созревать дикая ягода чёрного цвета – паслен – со специфическим вкусом и запахом, но мы ею объедались. Нам выделили весной участок под картошку. Мама выменяла на какие-то вещи немного картошки. Её разрезали на дольки с ростками и сажали. За картошкой мы ухаживали старательно, и урожай получился очень хороший. Все радовались, но недолго.

Пришёл приказ переместить наш эвакогоспиталь ближе к фронту. Снова погрузка, но на этот раз в вагоны-теплушки и снова с ограниченным количеством вещей. Много картошки пришлось оставить. Бабушка плакала. Эшелон предоставили товарный, приспособленный на скорую руку для перевозки людей. Внутри вагона смонтирована железная печка-буржуйка с толстой железной трубой, выведенной на крышу вагона. На печке готовили еду, а труба обогревала весь огромный вагон. Но всё равно было холодно. Всё остальное пространство вокруг печки было занято двухэтажными нарами. Каждая семья отгораживалась от других простынями. Туалета не было. Дети пользовались ведром, а взрослые выпрыгивали во время остановок. Но это тоже было проблемой, особенно для стариков, так как лестница из трёх узеньких ступенек была навесная и во время движения поезда убиралась. А насыпь железнодорожная очень высокая. Поезд часто останавливался не на станции, и прыгать было страшно и опасно.

Ехали мы больше месяца, новый 1943 год встречали в пути. Привезли нас в посёлок Лакин-ка Ивановской области. Здесь впервые в жизни я узнала, что бывают тёплые туалеты прямо в жилом доме. В школе занимались в зимних пальто и при свечах. Уроки дома делали тоже при свечах или керосиновых лампах. Электричества не было. Печки топили плохо: не было ни дров, ни угля. Тетрадей тоже не было. Ученики вместе с родными шили себе тетради из газет. Писали между печатных строчек. На школьных уроках вместо сочинений писали письма на фронт родным и знакомым бойцам. Собирали им посылки. Шили и вышивали кисеты (мешочки для махорки и табака), носовые платки. Умельцы вязали носки и рукавицы. В Лакинке была ткацкая фабрика, и нам давали отходы от производства.

Людмила Борисовна с сестрой Светланой Борисовной

В 1944 году наш эвакогоспиталь и нас вместе с ним привезли в г. Шую Ивановской области. Жили мы на территории госпиталя в общежитии. Дети сотрудников активно участвовали в художественной самодеятельности, придумывали какие-то танцы, пели песни, читали стихи. Пели под аккомпанемент собственного голоса. Костюмы шили мамы и бабушки из марли, подкрашенной зелёной, акрихином, хинином, марганцовкой. Выступали небольшими группками в палатах перед

ранеными. В награду от раненых получали кусочек сахара или белого хлеба.

Об окончании войны нам объявили в три часа ночи с 8 на 9 мая 1945 года по радио. Все повывскакивали в коридор общежития, смеялись, обнимались. Дети бегали, прыгали. До утра никто не уснул. А днём устроили во дворе праздник вместе с ходячими ранеными. Пели, танцевали, строили планы на мирную жизнь.

Мы думали, что и наш папа должен со дня на день вернуться с фронта. Но началась война с Японией, и папу отправили на восточный фронт. Только осенью 1946 года он забрал нас в Читу, так как он оставался военным служащим и продолжил работу в военном госпитале. А в 1959 году после третьего инфаркта его не стало. Мама и папа награждены многими боевыми орденами и медалями мирного времени.

Военные годы научили нас многому: быть выносливыми, терпеливыми, работающими, не поддаваться слабости, брать на себя дополнительные обязанности. Нам приходилось тяжело переносить эти трудности, но мы стойко держались, работали наравне со взрослыми. Фактически мы жили на войне, мы видели её своими глазами. Но не жаловались, ждали вестей с фронта и очень ждали Победу!

КУЛИНЧЕНКО
Николай Васильевич

Кулинченко Николай Васильевич родился 5 мая 1937 года в селе Кантемировка Воронежской области. Окончил Одесский электротехнический институт связи. По окончании был направлен по распределению в город Ставрополь на должность инженера электро-связи. В 1967 году переведён в Карачаево-Черкесскую область на должность начальника областного управления связи. С 1981 года восемь лет работал в Амурской области на должности главного инженера областного управления связи. В 1989 году на выборах на должность руководителя управления связи Читинской области одержал победу, и приказом министра связи назначен на эту

должность. Проработал до выхода на пенсию в 2002 году. Трудовой стаж работы – 42 года.

«Заслуженный работник связи России», кавалер Почётного знака «Общественное признание», «Почётный радист СССР», «Мастер связи», «Ветеран труда». Академик международной академии информатизации, доктор технических наук международной академии связи.

Село наше было основано в 1742 году донскими казаками, где проживали русские, украинцы и другие народности. Родители мои – простые крестьяне, всю свою жизнь отдали сельскому хозяйству. Дедушка, папа и мама трудились в колхозе «Красный Октябрь». Это было сильное хозяйство с зажиточными крестьянами, честными тружениками. Отец работал шофёром, мать – на свиноферме. За свой многолетний труд мать была награждена орденом Трудового Красного Знамени. К концу тридцатых годов наступили голодные дни, ощущалось дыхание приближающейся беды – войны с Германией. Родители отца переехали на Кубань, где было лучше с продуктами. В 1940 году мать увезла меня к ним. Дедушка, бабушка и две сестры отца жили в однокомнатной квартире, мне стелили матрас на полу, укрывали, чем придётся.

Началась война. В 1942 году Кубань и вся Воронежская область были оккупированы немецкими войсками. Однажды в наш хутор пожаловали немцы. Они приехали на мотоцикле с коляской, на которой был установлен пулемёт. Мы с пацанами спрятались на чердаке коровника

и наблюдали за немцами оттуда. Немцы вели себя мирно, а нам хотелось посмотреть на мотоцикл и особенно на пулемёт. Мы вылезли из укрытия и подошли к немцам. Они достали галеты и дали каждому по одной. Я был самый маленький среди ребят, немец подошёл ко мне, погладил по голове, достал из кармана портсигар, открыл его, посмотрел на фото, где он был снят с двумя детьми. Вдруг заплакал, сел на мотоцикл и сказал: «Гитлер, капут!» Я не знал, кто такой Гитлер и что такое капут.

3 января 1943 года Кантемировка была освобождена четвёртым танковым корпусом, который дошёл до Берлина и позже был переименован в Кантемировскую танковую дивизию.

После освобождения Кантемировки меня отвезли к матери. Я давно её не видел, почти забыл, как она выглядит. Везла меня тётя Маруся в плацкартном вагоне с деревянными полками. Мы заняли боковые места, и я всё время смотрел в окно. В Кантемировку прибыли вечером, переночевали у родственников, утром отправились к маме, которая жила в 7 километрах от Кантемировки. На стук никто не открыл дверь, мы вошли в комнату, как раз был обед. За столом сидели дед с бабушкой, моя мама, тётя Мотя и её дочь Валя, которая была младше меня. Я вцепился в тётю Марусю и боялся оторваться от неё. Тут вскочила мать из-за стола и со слезами стала меня обнимать и целовать. А я не мог понять, что это за тётя. Погостив немного, тётя Маруся уехала, а я стал жить с мамой. Подружился с двоюродной сестрой Валею, позже – с ребятами с нашей улицы.

В 1945 году пошёл в первый класс. Школа была в трёх километрах от дома. Каждый день три километра туда, три обратно. До пятого класса был круглый отличник. В 1955 году окончил среднюю школу с одной тройкой. Сказалось то, что в школе говорили на русском, а дома – на украинском.

В 1956–1959 гг. служил в рядах Советской армии в ГДР. После демобилизации из армии поступил в Одесский электротехнический институт связи и 42 года посвятил профессии связиста. Из них 35 лет на руководящих должностях.

КУЛЬПИНСКАЯ Людмила Григорьевна

Кульпинская Людмила Григорьевна родилась 4 января 1941 года в городе Орле. В начале Великой Отечественной войны семья была эвакуирована в Читу. Окончив 7 классов Читинской средней школы № 24, работала в овощеводческом колхозе. С 1970 года до пенсии работала в детском саду воспитателем. Награждена медалью «Ветеран труда». Трудовой стаж – 40 лет

Я родилась в рабочей семье. Отец, Петрухин Григорий Григорьевич, 1915 года рождения, был уроженцем Москвы. После военного училища был направлен для прохождения службы в Забайкалье, где и познакомился с моей мамой, Марией Степановной. Они поженились. Но вскоре его перевели в город Орел.

Мне было 6 месяцев, когда началась война. Отец, командир танка 23-й отдельной танковой бригады, пропал без вести в апреле 1944 года.

Нас, маму, меня и старшую сестру, которой было один год и восемь месяцев, эвакуировали из Орла. Мы поехали в Читу. В пути наш поезд не раз бомбили. После одной из бомбежек сестра была ранена осколком в ногу и на всю жизнь осталась инвалидом. Но мы выжили, добрались до Читы. В селе Засопка жили наши родственники, там мы и обосновались.

Мама пошла работать в колхоз. А мы были с бабушкой. Работала мама на тракторе, была бригадиром. Она была единственной кормилицей. Работы было много. Надо было в огороде посадить картошку, обработать ее, выкопать, заготовить сено. А мы с сестрой были слишком малы, чтобы ей помогать. Жили бедно. Бывало и голодали. Не было теплой одежды. Зимой было тяжело с дровами. Выживали за счет огорода и коровы.

Весной 1944 года пришло извещение о том, что отец пропал без вести. Мама, как потом ни старалась, не смогла отыскать его следов. Всю жизнь до самой пенсии мама работала дояркой в колхозе села Засопка. Была награждена правительственными наградами за самоотверженный труд.

Несмотря на трудности военного времени, мы выжили. В 1947 году я пошла в школу. После 7 класса стала работать в колхозе «Путь коммунизма» (сейчас это «Кенонский совхоз»). Работала учетчицей в овощеводческой бригаде. Вступила в ряды ВЛКСМ. В 1970 году перешла работать в Засопкинский детский сад сначала помощником воспитателя. Проработала до самой пенсии. Работу свою очень любила. Через мои руки прошло очень много сельских ребятшек.

В 1961 году вышла замуж за Кульпинского В. П. Мы воспитали с мужем двоих детей. Дети выросли хорошие, получили профессии. Они подарили нам троих внуков и троих правнуков. Муж вот только умер рано, в 1995 году.

Всегда участвовала в художественной самодеятельности при Доме культуры.

ЛАТЫШОВА
Лариса Исаевна

Латышова Лариса Исаевна родилась 12 августа 1939 года в деревне Грабовка Гомельской области Республики Беларусь. Окончила Белорусский государственный институт народного хозяйства по специальности «товаровед продовольственных товаров». В Забайкалье приехала в 1968 году в связи с переводом мужа на службу в Дровяную. В Читу переехали в 1978 году. Работала в системе военторга. Награждена грамотой Министерства ракетных войск, медалью «Ветеран труда». Неоднократно завоевывала звание «Ударник коммунистического труда», «Победитель соцсоревнования», награждалась Почётными грамотами.

Наша семья была в оккупации с момента прихода немецких войск и до изгнания их с территории Советского Союза. Как пришли немцы к нам, я не помню, была ещё мала. Но многие жители деревни, по рассказам бабушки, убежали с семьями в лес и жили в землянках. Мамин отец, мой дедушка, всегда был с нами.

Через наш посёлок проходила ветка Юго-Западной железной дороги Москва-Киев, Москва-Симферополь. И многие жители деревни работали на железной дороге. Жилось очень трудно. Когда наши войска отступали, всё колхозное стадо угнали, поля сожгли. Осталась на всю деревню старая больная корова. И эта коровушка-старушка выручала. Всем детям, жившим в лесу, в землянках, давали по стакану молока. Когда начали действовать партизаны, старики с детьми вернулись в посёлок. Тех, кто в советское время обслуживал железнодорожную ветку, немцы заставили работать на ней, в том числе и двоих моих дядей, Тихона и Василия. Всех жителей немцы держали под контролем, но особенно строго следили за работающими.

Однажды партизаны подорвали железнодорожный состав, в котором немцы везли на фронт новое пополнение. Начались поиски виновных. Полицией из местных донёс немцам, что сын хозя-

ина нашего дома, мой папа, был учителем и, возможно, сейчас в партизанах. Немцы привезли на телеге большое деревянное корыто, полное кровавых человеческих останков, и нашу семью выставляли у стены дома. Мама и бабушка держали детей на руках. Мы вцепились в шею взрослых и боялись даже кричать, только вздрагивали от каждого выстрела. А немцы палили из автоматов по верх голов и кричали: «Коммунисты, смотрите! Где муж? Где партизан?» Побесновались, но никого не убили.

И ещё одно событие произошло, которое долго обсуждалось в деревне. Обходил свой участок дороги путейский рабочий, муж моей тётки по имени Василий. В это время проходил товарный эшелон, в котором везли наших девчат то ли на казнь, то ли в неволю. Вдруг из вагона вылетел большой свёрток, упал и откатился по насыпи к ногам Василия. Оказалось, это был завёрнутый в куртку ребёнок трёх-четырёх лет, по внешности похожий на еврейчика. И наша бабушка прятала этого малыша от всех: и от своих и от чужих. Позже, когда немцев уже прогнали наши войска, по посёлку прошёлся чужой человек и у всех расспрашивал, не видел ли кто подброшенного ребёнка у железной дороги. Он прошёл уже три деревни подряд и ничего не узнал. Оказалось, что мужчина разыскивал родного внука. Мать ребёнка, зная, что евреев везут на смерть, выбросила сына,

Семья Латышовых: отец Исай Дмитриевич с детьми

когда увидела человека у железнодорожного полотна. А потом сумела как-то передать записку для своего отца. Мир не без добрых людей: одни записку доставили по адресу, другие дитя спасли. Как рассказывала бабушка, она не сразу призналась незнакомцу, что скрывала ребёнка. Но и тот почувствовал что-то в разговоре с ней, возвращался не раз.

Время было тревожное, бабушка боялась и за свою семью, и за невинное дитя. Потом этот человек благодарил бабушку, говорил, что они теперь пожизненно стали родственниками. Звал всех новых родственников в гости. Однажды папа по делам поехал в Гомель, остановился в го-

стинице, позвонил этому деду. Тот очень обиделся, почему сразу не заехал к нему, ведь они теперь родные и не должны об этом забывать.

На фронте защищали нашу Родину трое из нашей семьи: мой папа и два дяди. Папа, Исай Дмитриевич Сергиенко, был учителем. Он родился 12 мая 1915 года. Его мама была верующей и нарекла его именем Исай по церковному календарю. Перед войной учился в Ленинградском военном политехническом институте. Но не закончил его, началась война. Всех курсантов сразу мобилизовали. Группу в составе 12 человек направили на охрану моста через Днепр. Вся группа попала в окружение. Командир погиб. Оставшиеся поплыли через Днепр на занятую немцами территорию, чтобы через партизан добраться до действующей армии. Но доплыл до берега только мой отец, хотя и был ранен. Там он вышел к нашим войскам. После войны закончил Гомельский пединститут по специальности «физик-математик». Работал директором школы. Умер в 1992 году в возрасте 77 лет.

Воевал и папин брат Василий Дмитриевич Сергиенко. Был тяжело ранен. После войны прожил недолго. Остались сиротами четверо детей. Мамин брат Василий Никифорович до войны получил высшее образование. Всю войну прошёл с боями и дошёл до Германии. Был назначен комендантом немецкого города Веймар. Вернулся домой с наградами, с подарками, но и со множеством ранений. Избрали его председателем колхоза. Во время одного из колхозных собраний случился инсульт. Не успели доехать до больницы.

Я помню, что и после войны долго мы не знали, что такое хлеб. Колоски собирали, перекапывали картофельное поле. Когда училась в первом классе, помню, как детям погибших на фронте отцов на большой перемене давали бутерброды с американским повидлом. Кормили этих ребят в учительской. Остальные просто смотрели и плакали. Чистого, настоящего хлеба долго не было. В хлебное тесто подмешивали разные добавки, даже листья молодой липы. А когда я училась уже в третьем классе, привозили хлеб в магазин, и мы стояли в очереди всей семьёй.

Лариса Исаевна с внучкой Александрой

Я прожила достойную жизнь. У меня замечательная семья. Но хорошее когда-то заканчивается. 16 лет назад умер муж, подполковник вооружённых сил Михаил Иванович Латышов. Недавно не стало сына. Но жизнь продолжается. Будущее наше во внуках и правнуках. В первой городской больнице работает врачом внук Александр.

Внучка Даша окончила Иркутский госуниверситет с отличием, затем – аспирантуру. Хочется верить, что никогда не будет того ужаса, который пережили мы, дети войны.

МАТАФОНОВА Валентина Алексеевна

Матафонова Валентина Алексеевна родилась 5 мая 1933 года в городе Торопец Ленинградской области. Окончила факультет дефектологии Ленинградского государственного педагогического института имени А.И. Герцена. Работала учителем, завучем Читинской школы-интерната для глухих детей. Стаж работы в школе – 49 лет. Заслуженный работник образования Читинской области.

Семья наш небольшая: мама, папа, сестра Люба и я. Отец, Алексей Федорович Понуровский, был офицером. Мама, Екатерина Сидоровна Богданова, работала председателем уличного комитета, в состав которого входило десять улиц.

Довоенное счастливое детство внезапно оборвалось 22 июня 1941 года. Война! В сентябре 41-го года я должна была пойти в первый класс, но этому не суждено было сбыться.

Осенью этого же года фашисты заняли родной мой город. Ночью стариков, женщин и детей они согнали в здание церкви. Среди них были моя мама, я и сестра. Фашисты были злые. Утром фашисты планировали сжечь людей вместе с церковью. Но вдруг мы услышали грохот пушек и пулеметную стрельбу. Через некоторое время стрельба прекратилась, враг на короткое время отступил. Красноармейцы успели освободить пленных людей. Они спасли нас.

Осень 1941 года была холодной и дождливой. Надо было уходить на восток. Власти города выделили лошадей с телегами. Погрузили на них женщин, стариков, детей и немудрящий скарб.

Двинулись в сторону города Бологое, который находится как раз между Ленинградом и Москвой. Телеги застревали в грязи. Помню, как переезжали железнодорожный мост, и вдруг прогремел взрыв, осветив темную ночь страшным огненным пламенем. Немцы взорвали мост, по которому только что мы успели проехать. На телегах ехали те, кто не мог идти сам. Это были старики и дети. Мы с мамой и сестрой шли пешком. Вокруг было много людей. Нас бомбили. Кто-то кричал: «Воздух!» Раздавался оглушительный взрыв. Обычно бомбили именно дорогу, по которой двигались беженцы. Во время бомбежки мама валила нас с сестрой на землю, а сама, как наседка, падала сверху, накрывая нас своим телом. Снаряды рвались рядом, было очень страшно.

Однажды мы на телеге поднимались в гору. С одной стороны дороги – речка, с другой – поле со стогами сена. Немцы начали нас обстреливать. Пули летели над головами. Взрослые спрятали детей в сено. Вдруг появились немцы. Вилами они начали тыкать в сено, где мы были спрятаны. Но мы сидели в глубине стогов очень тихо, нас не обнаружили. В другой раз мы прятались в сарае вместе с красноармейцами. Было очень холодно, мы мечтали о костре, отдыхе в тепле. Когда шли по дороге, слышали голоса фашистов, которые говорили: «Цурюк! Цурюк!», что на немецком языке значит «назад». По дороге питались картошкой.

Через какое-то время мы вернулись в свой родной город Торопец. Было совсем страшно, когда пришел батальон финских фашистов. Они зверствовали. Проверяли каждый дом, искали красноармейцев. Если находили, расстреливали на месте. Финны были страшнее немцев. Они были злы на русских еще со времен финской войны.

В январе 1942 года после освобождения города войсками Красной Армии, я пошла учиться в первый класс. Школа находилась на окраине города Торопца. В школу ходили каждое утро к 9 часам. И в то же самое время, как по расписанию, появлялся немецкий самолет и начинал нас, учеников, обстреливать. Мы почти ползли в школу, проучились недолго. Около трех месяцев. Однажды во время уроков в классе, который находился на втором этаже, прозвучал взрыв. Я повернулась, а угла школы нет, только бревна торчат и воронка в земле. Я сидела на последней парте и чудом осталась в живых. Осенью 42-го года я снова пошла в первый класс. В 1949 году окончила семь классов.

После уроков в школе и во время каникул подростки и дети во всем старались помогать взрослым. Пропалывали грядки, обрабатывали посевы овощей, собирали колоски. Вечером ходили в лес, собирали веточки-иголки, хвою, которые позднее заваривали, делали настой и пили вместо чая. Это были наши витамины, это придавало нам силы.

Я с моими одноклассниками ходила в госпиталь к раненым. Выступали с концертами, поили раненых клюквенным морсом без сахара. Но раненые пили его с удовольствием.

Наконец настал долгожданный день 9 мая – День Победы! Люди нашего города, как и все советские люди, встретили его с ликованием и огромной радостью.

В 1952 году мы с подругой поступили в Ленинградский педагогический институт. Студенческие годы я провела в красивом и героическом городе. Мы были молодые и счастливые.

После окончания института я сама выбрала место работы, приехала в Читу и всю трудовую жизнь посвятила работе с глухими детьми.

Вышла замуж, родилась дочь, которая, окончив Иркутский педагогический институт, работает логопедом в краевой клинической больнице.

МОЛОДЫКОВА
Вера Михайловна

Молодыкова Вера Михайловна родилась 10 октября 1928 года в деревне Борзовая Волынской области (Украина). После войны вместе с мужем переехали в Забайкалье. Вместе работали в геологии, с геологической партией объездили всю Читинскую область. Когда оформились на пенсию, геологи подарили дом в Атамановке. Там и проживает.

Семья была многодетной. В то время западная Украина находилась «под Польшей». Освободили её только в 1939 году. Мама умерла, когда мне было 5 лет, а братику – 2 года. А в 12 лет я осталась и без отца. Старшие сёстры были замужем и жили отдельно. Меня с братиком забрали в детдом. Там жилось неплохо. Недалеко протекала река, в которой детдомовцы купались, ныряли, барахтались. Малыши – под присмотром старших ребят и воспитателей. В один из летних воскресных дней на реке было много детей. Всё шло как обычно. Вдруг в небе появился самолёт. Он летел вдоль реки. Дети махали ему руками. Самолёт развернулся и на обратном пути стал сбрасывать бомбы.

Так для нас началась война. Из детского дома выбежала женщина с криками: «Война! Война!» К счастью, никто не попал под бомбы. Дети собрались в кучку и побежали в здание. Там объявили, что всех увезут в укромное место. На нескольких машинах уехали подальше, в лес. К ночи определились на ночлег. Сколько дней так жили, не помню. Когда закончились продукты, нам сказали, что здесь находиться опасно, предложили взять с собой какие-нибудь вещи и пешком идти туда, где есть люди.

Детдом находился недалеко от границы с Белоруссией. До Бреста было всего 60 километров. Но там уже хозяйничали немцы. Я взяла для себя и братика по подушке и одеялу. Шли несколько дней, ночевали под кустами. Одеяла и подушки спасали. А вот есть было нечего. Из леса вышли на пшеничное поле, пошли по тропинке. На пути попался дедушка, спросил, кто мы и куда идем. Показал, в какую сторону идти, чтоб попасть в деревню. В деревне встретили женщину, поговорили. Она пожалела, приласкала, накормила тем, что было. Хотя везде был голод. Вдруг я узнала, что здесь живёт моя старшая сестра. Нашла её, мы стали жить у неё. Нечаянно встретила вторую старшую сестру. Она работала в наймах у одного богача. Пристроила и меня в одну семью. Наняли меня пасти трёх коров. Но потом я стала убирать дом, варить, печь хлеб, готовить еду скотине и кормить её. Кроме коров, были свиньи, гуси, куры. Хозяин был добрый человек, хозяйка – лентяйка, ничего не делала. Были у них и сыновья. Самый старший был деловитый, часто подбадривал меня, иногда заступался, когда видел издевательство надо мной. Средний, Андрей, учился в Польше, знал языки. Младший был сволочь и издеватель. Избивал меня в порядке развлечения. Мог перевернуть помойное ведро на чистый пол, и мне приходилось опять его мыть. И ещё много подлостей делал.

Как пришли немцы, вернулся из Польши Андрей. Немцы сразу предложили ему работать на них. Он отказывался. Но его за отказ не казнили и даже не били. Значит, он был им очень нужен. Андрей понял, что сопротивляться бесполезно, и согласился. Но сотрудничал и с нашими.

Однажды обратился ко мне с большой тайной. Долго убеждал, что этот разговор надо удерживать в секрете. Иначе не сдобровать ни ему, ни мне. А предложение было такое: он кое-что будет прятать в стоге сена под навесом. В определённые дни, вернее, ночи, будет приходить человек. А я должна его встретить, проводить к тайнику, а потом помочь спокойно покинуть двор. Видимо, Андрей передавал партизанам лекарства и ещё кое-что.

Вскоре после освобождения всей Украины старшая сестра предложила мне пойти работать проводником санитарных поездов. Я согласилась. Перевозили раненых фронтовиков с прифронтовых госпиталей в тыл. Было трудно и страшно.

Однажды, придя к подруге, встретила паренька, звали его Пётр. Мы влюбились друг в друга. Он тоже был сирота, детдомовский. Окончил училище. Из детдома его призвали в армию. Довелось участвовать в военных действиях. Когда уже была наша победа, его назначили заместителем коменданта города Ковель. Активно участвовал в борьбе с бандеровскими бандами. Мы поженились. Родился сын. Муж дома бывал редко – такая служба. Как-то его вызвали в штаб, приказали срочно с семьёй выехать за пределы Украины, вручили купленные билеты до Москвы. Причина была в том, что в штабе бандеровцев приняли решение об уничтожении Петра.

Вот так мы попали в Забайкалье. Оба работали в геологии до самой пенсии. Вырастили троих детей. Все женаты, у всех – профессии.

В последние годы овдовела, живу одна. Но дети любят, навещают. Пою в хоре «Лучинушка».

МУНГАЛОВА

Александра Михайловна

Мунгалова Александра Михайловна родилась 19 января 1941 года в селе Ездочное Коротоякского района Воронежской области. В 60-е годы переехала в Читинскую область, в Приаргунский район. Работала билетером, киномехаником, директором Дома культуры в селе Новый Цурухайтуй. Сейчас на пенсии. Ветеран труда.

Отец ушел в армию сразу после начала войны. В 1941 году он защищал Москву. В июне 1942 года немцы пришли в наше село. Перед их приходом мама все ценное: документы, немного одежды, отцовские хромовые сапоги и кое-что по мелочи – закопала в огороде. Мои воспоминания – это, конечно, рассказы-воспоминания мамы, бабушки, молоденькой тогда тети-крестной и брата.

Бабушка с младшей дочерью во время войны перешла жить в нашу семью, так легче было прокормить троих детей. Когда пришли они (я так называю немцев), сначала ходили по домам, спрашивали яйца, молоко. Если собаки лаяли, они их стреляли. Перестреляли всех. А потом уже и не спрашивали, сами всё забирали. Утром мама доит корову, а они тут как тут стоят, ждут и сразу все надоенное молоко забирают. Мама плачет: чем кормить детей?

Село небольшое, но в нем нашлись три полицаи из местных. Полицаи охотились за молоденькими девочками. И девчонки вынуждены были надевать длинные юбки, мазать лицо сажей. А однажды две девчушки, спасаясь от них, залезли на грушу, обратно слезть не смогли, упали, сломали шейки бедра. Так и остались на всю жизнь калеками, хромыми.

Через речку Потуду, которая чуть дальше впадает в Дон, было село Солдатское. Там не нашлось женщин белить хату коменданту, и полицаи отправили местных женщин. На обратном пути на лугу им встретился немецкий патруль. Немцы приняли женщин за партизан и тут же расстреляли. Из-за полицаев погибли!

В июле 1942 года всех жителей села согнали во двор конюшни, откуда в 41-м году лошадей забрали на фронт. Там продержали людей три дня без воды и еды. Потом выгнали за деревню, люди уже думали – расстреляют. Но их погнали в село Семидесятное. Это уже был Хохольский район, и там был концлагерь для красноармейцев и местных жителей с вышками и собаками.

Жара стояла страшная – середина лета. Воды почти не давали, иногда по кружке в день. Колодцы в тех краях глубокие, до 14 метров. Фашисты заставляли носить воду заключенных. Мой семилетний брат носил. Он вспоминал: «Несешь ведро, тяжело, расплескаешь, немец так огреет

тебя кнутом по спине!» Кормили мерзлой свеклой и трухой от гречки, с которой варили похлебку. Так и держали людей до наступления Красной Армии. В августе заключенных подняли и погнали дальше на Белгород. И там, возле какой-то деревни, продержали людей до февраля 1943 года, когда пришло освобождение.

Из архивной справки: «А. М. Мунгаловой-Булгаковой. В документах архивного фонда Воронежской областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в акте от 12 мая 1943 года по Семидесятскому сельскому совету Хохольского района Воронежской области имеются сведения о том, что 7 июля 1942 года в общей сложности до 7 тысяч пленных красноармейцев и мирного населения, из них большинство мирного гражданского населения – женщин, стариков и детей – были заключенными немецкого концлагеря. В этих лагерях был установлен зверский режим: заключенных морили голодом, кроме павшей конины и поллитра воды ничего не давали, работать заставляли непосильно по 12–16 часов, избивали плетьюми и прикладами. Ежедневно десятки людей расстреливали в овраге на расстоянии 600–800 метров».

Люди тогда были добрее, хотя и жили все бедно. Освобожденных из неволи местные жители приютили, обогрели, накормили, приодели, дали салазки. В них постелили соломы, положили меня, маленькую, и семья отправилась в родные места. Идти было далеко, сколько километров – не знаю, но далеко. Я рано научилась говорить и, увидев какой-нибудь дом, просила: «Мама, зайдем в хатку. Там печка, там тепло».

Когда вернулись домой, то увидели, что в хате нет ни окон, ни дверей. Была и проблема – чем накормить детей. Пособирали остатки кукурузы, надолбили мерзлой картошки. «Захоронка» была кем-то выкопана, ничего не осталось. Было голодно. Люди ходили по домам просили милостыню. А что им дать? Нет ничего!

Одно из первых моих сознательных воспоминаний: большой стол, и на нем стаканами отмеряли крупу.

Мать была неграмотная, и брат еще не учился. Отец прислал письмо, а прочитать и написать ответ некому. Мама пошла к почтальону, а мы сидим на печи, боимся. Захотелось пить. Меня, как самую маленькую, отправили за водой. Слезла с печи, подошла к окну, а оттуда лицо смотрит. Я все бросила и – на печь. Мама пришла, а мы ревом. Вот так и жили.

Дождались весны. Дети ходили босиком, надеть было нечего. Искали хоть какое-нибудь пропитание. Чего только не ели! Всякие травки, цветы, корешки. Пахать было не на чем – ни лошадей, ни быков. Сами копали огород. Посадили картошку. Пекли драники. На всю жизнь запомнила, как мама напечет драников и наказывает не трогать их, пока не остынут. Мы сидим на лавке и смотрим, глазами так и едим. На такой еде и росту-то у меня не было никакого. Братья, после меня рожденные, такие высокие!

Все поля были в снарядах. То в одном месте, то в другом месте рванет. Люди гибли. Соседский мальчик гранату-лимонку нашел. Погиб. Таких случаев было много. Но военные старались избавить нас от случайной гибели. Наберут кучу боеприпасов на одном конце села, чтобы взорвать, нас отправят на другой конец села, потом наоборот. В таких заботах и дождалась Победу.

Отец пришел с фронта контуженный, долго не разговаривал. Он не дошел до Берлина. Победу встретил в Восточной Пруссии. Он не любил рассказывать о войне, редко вспоминал что-нибудь. А вот предательство своих советских людей забыть и простить на мог. Ему пришлось выходить из окружения по западным областям Украины. В села старались не заходить, но дважды пришлось. И местные жители выдали их немцам. Двоих однополчан потеряли в таких перестрелках. А у партизан, к которым вышли в брянских лесах, не остались, потому что выносили знамя части, без которого часть расформировывалась. В конце концов оказались у своих, и часть была восстановлена. Ветеран, фронтовик, как и большинство неизвестных героев той войны, отец сразу же взялся за мирный, но нелегкий сельский труд, стараясь обеспечить свою семью, досыта накормить детей.

Это было счастье, что наш отец вернулся домой. У других односельчан совсем не вернулись или вернулись калеками. Мирная жизнь постепенно налаживалась. Со временем и хлеб стали сеять, и поля хорошо обрабатывать.

В 1951 году, когда я училась в четвертом классе, родился братик. А через полгода мама заболела, и её положили в больницу. То бабушка с другого конца села приходила, то мамина сестра, которая была с нами в фашистском лагере, приходила, чтобы подоить корову. А была она дурная. Её только мама доила, я бы в 10 лет не смогла с ней управиться. Брата я кормила молочком, после прянички научилась печь.

В нашем селе была начальная школа. Я закончила семь классов в соседнем селе Солдатово. Очень хотела учиться на воспитателя, но мама часто болела, в доме – младшие братья, хозяйство. Вот и пришлось в 16 лет пойти работать в колхоз. Вся работа делалась вручную. Посадка, прополка свеклы, капусты, помидоров, подсолнечника. Даже веялки на току управлялись вручную. Спали немного, от росы до восхода солнца, здесь же на буртах, не уходя домой. Во время уборки хлеба втроем грузили мешки с зерном на машины, пока до Заготзерно везут урожай за 18 километров, можно было немного вздремнуть. На поле нас не кормили. Все из дома: молоко, яйца, кусочек сала. Но молодость брала своё. После работы, только слышим гармошку, идем на улицу. Напляшемся, напоемся, и снова работа дома и в поле.

За прополку свеклы получила первые в жизни 150 рублей. По тем временам – большие деньги. Родители разрешили купить на них то, что мне хотелось. Я и купила косынку, ткань на платье, туфли за 85 рублей. Это было счастье!

Вскоре родной дядюшка устроил меня с двоюродной сестрой в «почтовый ящик», так называются военные секретные заводы. Что там выпускалось, не знаю. У меня была подписка о неразглашении военной тайны на 10 лет.

На встрече нового 1960 года в заводском клубе я познакомилась с солдатом, пригласив его на белый танец. Переехала с ним в Забайкалье. Первые 12 лет семейной жизни не работала, растила детей. Каждый год ездила погостить на родину. Потом устроилась билетером в Новоцурухайтуйский Дом культуры. Со временем выучилась на киномеханика и 18 лет показывала людям фильмы. А затем новая должность – пригласили работать директором Дома культуры. Отсюда ушла на пенсию. Переехала в поселок Приаргунск.

Двое детей живут рядом в этом же поселке. У меня пять внуков, двое правнуков.

Совсем недавно ушел из жизни супруг Анатолий Георгиевич Мунгалов.

Только в 2005 году получила статус «малолетний узник фашистского концлагеря».

СИНЯВИН **Евгений Прокопьевич**

Синявин Евгений Прокопьевич родился 24 ноября 1935 года в городе Сталинграде. В 1948 году семья переехала в Читинскую область. Начал работать в 1953 году илифовальщиком на Атамановском танковом заводе. В 1954 году призван в Советскую Армию. Службу проходил на этом же заводе. Избирался членом комитета, затем секретарем комитета комсомола завода, вторым секретарем Читинского районного комитета ВЛКСМ. С 1961 по 1968 год был инструктором, заведующим отделом Читинского обкома комсомола. В мае 1968 года направлен на работу в органы КГБ. Служил в отделе военной контрразведки, Особом отделе КГБ СССР. В 1973 году окончил Высшую школу КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского. После выхода в отставку возглавлял Совет ветеранов военной контрразведки Управления ФСБ России по Сибирскому военно-

му округу. Награжден Знаком ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле», Знаком «Ветеран службы военной контрразведки».

Мой отец, Синявин Прокофий Михайлович, трудился на Сталинградском тракторном заводе кузнецом. В армию его не призвали, потому что еще до войны он получил инвалидность, перенеся серьезную операцию.

Во время боев за Сталинград мне было семь лет. Я помню, как бомбили наши пароходы на Волге, как включалась сирена. Помню воздушные бои, пожары в городе. Во время бомбежки наша семья пряталась в вырытые рядом с домом окопы.

Где-то в августе-сентябре 1942 года немцы стали занимать территорию города и поселка Верхнего. Гражданское население стали выгонять в тыл. Я помню, когда мы двигались под конвоем немцев к железной дороге, то встречали наших раненых солдат, они просили воды и еды. Вместе со всеми нашу семью фашисты пригнали в Ростовскую область, в город Белая Калитва, и поместили в немецкий лагерь, названия которого я не запомнил. Личных номеров не было. Выйти за территорию было невозможно. Вся территория была огорожена колючей проволокой и строго охранялась. Лагерь освободили, когда советские войска дошли до Ростова.

Меня по суду уже в XXI веке признали «малолетним узником фашизма в период Второй мировой войны на территории Белая Калитва Ростовской области в период июль-октябрь 1942 года».

После освобождения из фашистского лагеря вся семья оказалась на хуторе, где не было условий для проживания. Отец был хорошим кузнецом и на хуторе работал по специальности. В 1944 году мы решили вернуться в Сталинград. Город лежал в руинах. Не было ни жилья, ни работы. Мы решили уехать к родственникам в Читинскую область в село Бытэв Акшинского района.

Только в 1946 году мы выехали в Забайкалье. Однако в Москве нам отказали в регистрации билетов до Читы (город в военное время был закрытым). Мы со знакомыми уехали в Караганду. И уже оттуда в 1948 году переехали в Читинскую область.

Когда я в 1953 году окончил 8 классов, поступил на танковый завод в поселке Атамановка учеником шлифовальщика. Я был активным комсомольцем, занимался общественной работой. Через год меня призвали в армию, служил на родном заводе, потому что танковый завод был в ведении Министерства обороны. Меня избрали членом комитета комсомола, потом — секретарем комитета. После демобилизации я остался работать на заводе. В то время я учился заочно на втором курсе техникума. Женился.

Я всю жизнь мечтал работать в органах государственной безопасности. Но до исполнения этой мечты был долгий путь, вплоть до 1968 года была активная работа в комсомоле.

В 1965 году поступил на юридический факультет Иркутского института. Когда я учился на третьем курсе, мне предложили работу в КГБ. С 4 мая 1968 года началась моя карьера контрразведчика. Мне присвоили звание лейтенанта и направили на работу в органы военной контрразведки по Забайкальскому военному округу.

Вскоре мне предложили должность оперуполномоченного на Камчатке. К тому времени у меня росли две дочери-школьницы. На семейном совете решили уехать на Камчатку. Прослужив там пять лет, вернулся в Читу. В Чите предложили возглавить вновь формируемый информационно-аналитический отдел. Дело было новое, незнакомое, но мне опять пригодился опыт работы в комсомоле.

В органах контрразведки прослужил около 25 лет. Когда вышел на пенсию, устроился в сыское агентство, где проработал несколько месяцев. С 1993 года по 2006 год работал в администрации города Читы.

Долгое время работал председателем Совета ветеранов военной контрразведки Управления ФСБ России по Сибирскому военному округу.

ХУДОЛЕЕВА
Валентина Федоровна

Худолеева Валентина Федоровна родилась 13 декабря 1940 года в поселке Советском Крымской области. Окончила Московский текстильный институт им. Н. В. Косыгина. Работала на Читинском камвольносуконном комбинате мастером производственного обучения, начальником отдела подготовки кадров, заместителем директора по кадрам и воспитательной работе. Трудовой стаж – 47 лет. За многолетний добросовестный труд неоднократно награждалась Почетными грамотами. Ветеран труда.

Мой отец, Федор Емельянович, жил в Москве. После смерти жены с детьми, а их было трое, переехал в Крым, в поселок Советский. Там же жила и моя мама с двумя детьми. Муж у мамы был летчиком и погиб при выполнении задания в районе озера Байкал. Мама и Федор Емельянович встретились, полюбили друг друга и поженились. В этом браке родилось еще четверо детей, в том числе и я. Всего в нашей большой семье было 9 детей. Папа был строителем и для нашей семьи он построил четырехкомнатный дом.

Когда началась война, мои старшие братья ушли на фронт и не вернулись. Мы ничего не знали о их судьбе. Только после войны на наши запросы пришли ответы, что они погибли, освобождая Белоруссию.

В наш поселок вошли немцы. Наш дом, как рассказывала мама, облюбовали высшие чины, а семью выгнали. Мы стали жить в погребе и сарае. Жили в обстановке жесточайших непрерывных боев за Крым. Дважды была попытка советских войск освободить Крым от фашистов, но не получилось с первого раза. Силы были неравные. Было много раненых и убитых моряков. Одного раненого моряка наша семья прятала в погребе на огороде. В углу погреба была оборудована постель, когда немцы подходили к погребу, мама прятала этого моряка под матрасом, а меня и братика укладывала на него. И когда немцы заглядывали в погреб, они видели испуганные глаза двух маленьких ребятшек. Мама выходила и вылечила моряка. И когда началось повторное освобождение Крыма, он присоединился к частям Советской Армии. Дошел до Берлина, а после войны вернулся в наш поселок и женился на моей сестре Клаве.

Моему брату Николаю в начале оккупации было 5 лет. Рос он светловолосым, голубоглазым симпатичным мальчишкой. И на нашу беду приглянулся он румынскому офицеру, который хозяйничал в нашем доме. Офицер заигрывал с ним, приманивал его. Мама заметила это, напугалась и не отпускала его от себя ни на шаг. Кто его знает? Мало ли что придумает этот чужой человек. Мама боялась, вдруг он увезет Колю с собой. Однажды ночью начался сильный налет нашей авиации. Началось наступление нашей армии. Румыны и немцы спешно собирали чемоданы, кричали, сустились, потом, сбросив все, спрятались в бомбоубежище. Мама, немея от страха, пробралась в дом, нашла там Колю, схватила его и бросилась в погреб. А когда кончился налет, немцы прибежали, похватили свои вещи, чемоданы, погрузились на машины и исчезли из нашей жизни навсегда. А мой спасенный брат после войны связал свою жизнь с авиацией. Окончил авиационное училище, прошел путь от летчика до военного атташе в Румынии, Турции.

Окончательно наши районы были освобождены только в 1944 году. Все годы войны были очень голодные. Мы, дети, питались тем, что находили: дикие яблоки, абрикосы, маслину. Копали земляной орех. Рвали щавель, крапиву. Варили супы из всего, что собирали. Ловили сусликов, разоряли их гнезда. Мясо сусликов шло в пищу, а из высушенных шкурок шили обувь.

Тяжело в войну было всем. Но все пережили, дождалась Победы. Достоинно прожили свою жизнь, сейчас я на пенсии. У меня две дочери, четыре внука и один правнук.

Нынешнему поколению желаю мира и счастья!

ЯКИМОВА
Нина Степановна

Якимова Нина Степановна родилась 14 октября 1936 года в деревне Гуни Ирбитского района Свердловской области. Окончила сельскохозяйственный техникум, получила профессию бухгалтера.

Мама, Анна Георгиевна, до войны работала дояркой, папа – разно-рабочим, а дедушка был отменным кузнецом. Жили мы трудно, питались в основном продуктами с собственного огорода. Когда в апреле 1941 года к нам в гости из Сталинграда приехала сестра дедушки и увидела, как мы живем, она предложила родителям забрать меня и младшего брата к себе. Таким образом перед самой войной мы оказались далеко от дома. Нас удивила природа – все цветет, Волга рядом. Дедушка работал на тракторном заводе, бабушка тоже работала. За нами присматривала соседская девушка.

Когда началась война, дедушка и бабушка решили не отправлять нас домой. Все надеялись, что до Сталинграда немец не дойдет. Но через год, в июле 1942, начались бомбежки. Бомбы сбрасывали в основном на тракторный завод, потому что на заводе делали и ремонтировали танки и пулеметы. Однажды бабушка со слезами на глазах сказала, что дед прямо на танке, который собрали на заводе, ушел на фронт, хотя по возрасту военкомат его уже не мог призвать. Больше мы о нем ничего не слышали.

Вскоре женщин и детей начали эвакуировать из города. С собой можно было взять немного вещей. Бабушка сшила нам из наволочки рюкзачки, сложила в них яблочки, крупу, телогреечки, а в мой рюкзачок – еще кашемировую шаль. Когда началась погрузка на паром, бабушка успела нас посадить, а сама почему-то не смогла. Мы остались одни. Нас вместе со всеми перевезли на левый, безопасный берег Волги. Две недели мы не уходили с берега, всё ждали бабушку. Взрослые нас подкармливали, а потом нас отправили в детский дом в Уфу. Там по документам нашли наших родителей, которые и забрали нас домой.

В послевоенное время пришлось пережить все тяготы: работа непосильная для малолетних, нехватка одежды, обуви. Мужчин почти не было, после войны все работы выполняли женщины, подростки и дети. Но несмотря ни на что, окончила сельскохозяйственный техникум. Работала бухгалтером, преподавателем, завучем. Работала, даже уйдя на пенсию.

В 1978 году съездила в Волгоград, нашла то место, где стоял бабушкин дом, посетила Мемориал на Мамаевом Кургане.

П. Железнов

Гнездо родное сожжено врагами.
Отец в солдатах.
На чужбине мать...
Вам приходилось видеть под ногами
Птенцов, не научившихся летать?

Какие невозможные усилья,
Чтоб жить,
Им надо делать каждый миг!
Ещё для взлёта не окрепли крылья,
А уж глаза грустят, как у больших...

Я встретил их
Под раненой берёзой
В прифронтовой непрочной тишине
И вздрогнул от неожиданного вопроса:
– Скажите, дядя, где конец войне?

В. Зеленская

В землянке тускло, неудобно, сыро.
В углу малыш под ветошью лежал.
Вчера фашисты, чтоб им пусто было,
Опять бомбили город и вокзал.

Малыш был худ. Давно не мыт, не стрижен.
Уж много дней не ел из пицци ничего.
Ребенок горько был судьбой обижен.
Война украла детство у него.

Та ночь была куда страшнее ада.
Рвались снаряды, дыбился песок.
И залпы бесконечной канонады
Сверлили человеческий висок.

От страха он забился в дальний угол,
Закрыв ладошкой бледное лицо.
Война была страшнее жутких пугал,
Ужаснее киношных мертвецов.

Малыш дрожал и каждую минуту
Произносил испуганно слова
И повторял одно и то же тупо:
– Мамуля, мама, ты жива?

М. Гроссман

Мальчишка мне попался на дороге,
Он шел, смотря из-под опухших век,
Русоголовый, маленький и строгий,
Узнавший горе русский человек.

Его станицу пушками разбили,
Чужие люди в дом вошли и в сад,
Где папа с мамой мальчика любили,
Где папа с мамой мертвые лежат.

Трещали крыши от огня в колхозе,
Бродил в лощинках, запинаясь, дым,
Ревели танки, сокрушая озимь,
И мальчик шел. И пепел плыл над ним.

Земли сожженной черное молчанье.
В его глазах отчаяние и страх.
...А в этот день шутили англичане
В кругу своих детей. На островах.

А в этот день, закованные в панцирь,
На якоря поставив корабли,
Крутили патефон американцы
От плачущего мальчика вдали.

Он ковылял устало по проселку
И вдруг увидел нас в пыли, в дыму.
Мы в этот день форсировали Волгу.
Мы шли к нему. К мальчишке своему.

**Это была демOVERсия книги - Детство, опалённое войной.
Книга III. Книга воспоминаний, документальных свидетельств
детей Великой Отечественной войны**

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34